



Елена Ржевская

ПОРТРЕТ  
НА ФОНЕ  
ДНЕВНИКА

*Е. Ржевская*

Елена Ржевская

**Геббельс. Портрет  
на фоне дневника**

Издательский дом «Книжники»

1994

УДК 94(47+57)(093.3)  
ББК 63.3(2)(6)

**Ржевская Е. М.**

Геббельс. Портрет на фоне дневника / Е. М. Ржевская —  
Издательский дом «Книжники», 1994

ISBN 978-5-906999-42-9

Книга Елены Ржевской написана в жанре исторической биографии. Пройдя войну от Ржева до самого Берлина, Ржевская стала одной из первых, кто в мае 1945-го прочитал дневниковые записи нацистского министра пропаганды Йозефа Геббельса. Эти дневники и собственные уникальные свидетельства — вот та документальная основа, на которой Ржевская, участница и очевидец тех эпохальных событий, воссоздает личность и биографию главного политтехнолога Третьего рейха. Историческая правда на страницах книги и писательское мастерство Елены Ржевской раскрывают страшную сущность нацизма как мирового зла. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)(093.3)  
ББК 63.3(2)(6)

ISBN 978-5-906999-42-9

© Ржевская Е. М., 1994  
© Издательский дом  
«Книжники», 1994

## Содержание

От издателя	6
Дневник на фоне истории	7
Геббельс	10
Глава первая	14
Страницы воспоминаний	14
«Проснулся эрос»	16
«Я должен найти себя»	18
«Хаос во мне»	20
Пивной путч	23
«Куда я пойду?»	26
«Мы, молодые, без рода и традиции. Мы соль земли»	28
«Горю и не могу зажечь»	29
«Эрос моя мука»	31
«Кто я?.. Я пока – ничто»	32
«Нужно всегда быть наготове»	34
«С чего начать?»	37
Какая дорога ведет к Богу?	39
«Деньги и эрос – движущая сила мира»	40
«Я хочу быть молотом!»	41
«Вживание – это все»	43
«Я сам сотворю свою славу»	44
«У меня хотят отнять веру»	46
«Я – несомненно пламень!»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

# **Елена Ржевская**

## **Геббельс. Портрет на фоне дневника**

*Любушке в память тех дней, когда мы дружно работали над этой книгой*



Елена Ржевская

## От издателя

Борух Горин, главный редактор издательства «Книжники»

Елена Ржевская была очевидцем и одновременно творцом событий своего времени.

Военная переводчица, тогда еще Елена Каган, попала на фронт под Ржевом, который и дал ей литературный псевдоним – Ржевская. Она дошла до Берлина и потом прожила очень долгую жизнь. Чрезвычайно талантливый литератор с острым взглядом и беспощадной к себе совестливостью, Ржевская оставила уникальное свидетельство о тайнах мая 1945-го – о том, как были обнаружены трупы главарей нацистской Германии и документы в бункере Гитлера. Ржевская стала одной из первых, кто прочитал дневники министра пропаганды Третьего рейха Геббельса.

Книга, которую вы держите в руках, – это авторская реконструкция биографии Геббельса на основе его дневников. Елена Ржевская с исторической объективностью показывает, как болезненный нарциссизм, помноженный на безнравственность, превратил вульгарного неудачника в воплощение абсолютного зла. Доверимся свидетельству современницы тех страшных лет, свидетельству очевидца, который сохранил для нас подлинную историческую память об освобождении Европы из нацистского плена.

## Дневник на фоне истории

Татьяна Тимофеева, доцент исторического факультета МГУ

Начало XX века было для Германской империи временем процветания и надежд. Экономическая мощь и подъем национального духа вели рейх к большой войне. Только так великий народ, каким считали себя немцы, мог наконец-то занять подобающее ему место в мире. Ведь другие страны не спешили признавать германское превосходство. Но сильная армия и флот в блицкриге, молниеносной войне, должны были доказать право немцев на мировое первенство.

Однако Первая мировая война завершилась для Германии катастрофой. Мир, который страна вынуждена была подписать в Версале в 1919 году, обрушился на нее невиданным унижением. Германия была признана единственной виновницей войны. У нее отобрали все колонии и значительную часть территорий, и миллионы немцев оказались теперь в чужих государствах. Ей запрещалось иметь большую армию, самолеты, танки, флот. Франция, вековой враг, настаивала на миллиардных репарациях.

Военное поражение стало для Германии национальной трагедией и привело к революции. Кайзер Вильгельм отрекся и бежал из страны. В провинциальном городе Веймаре была провозглашена республика. Озлобленные невзгодами бюргеры сочли, что это коммунисты и евреи нанесли «удар кинжалом в спину». Люди искали врагов, предателей, виновных в разбитых надеждах. Возникали многочисленные партии, и каждая выдавала свой рецепт спасения. Вдобавок в каждой из 24 земель существовал собственный парламент (ландтаг), своя армия и свои законы. Поэтому подлинного единства в стране не было, а региональный сепаратизм нарастал.

В условиях такой политической неразберихи и экономической нестабильности в январе 1919 года в столице Баварии Мюнхене журналист Карл Харер и слесарь Антон Дрекслер создали Германскую рабочую партию (ДАП) под лозунгами крайнего национализма и антисемитизма. В пивных, где легко можно было запустить в несогласного кружкой, ее немногочисленные члены клялись в любви Великой Германии и обвиняли во всех бедах марксистов и евреев. Осенью 1919 года их собрание посетил некто Адольф Гитлер – невзрачный сотрудник отдела пропаганды и информации баварской армии. Уже через год он разработал для ДАП новую программу под названием «25 пунктов»: единство и согласие – только для немцев, счастье и достаток – для «расово полноценных», еврей не может быть гражданином Германии и т. п. А еще через год, в 1921-м, Гитлер встал во главе этой партии и переименовал ее в Национал-социалистическую (НСДАП).

Вот тогда все и началось.

Положение в стране обострялось. Веймарская республика, связанная по рукам и ногам Версальским договором и огромными репарациями, не могла дать гражданам надежду на лучшее будущее. В марте 1920 года консервативный политик В. Капп при поддержке добровольческих корпусов во главе с генералом В. Людвицем попытались силой свергнуть правительство, которое покорно сокращало армию. Угроза военной диктатуры вызвала восстание рабочих Рура, пролетарско-революционного сердца Германии.

В 1923 году республика пережила самый острый кризис. Правительство отказалось от репарационных выплат. А ведь по Версальскому договору в таком случае Франция имела право оккупировать Рурскую область. Что и произошло: в Рур немедленно вошли франко-бельгийские войска. В Германии разразился финансовый и политический коллапс. Коммунистический интернационал вместе с немецкими коммунистами готовил в стране пролетарскую революцию. Одновременно усилились сепаратистские настроения на Рейне и в Баварии. В Мюнхене было даже объявлено чрезвычайное положение.



В обстановке грозной сумятицы в стране Гитлер решил, что пора взять инициативу в свои руки. В ноябре 1923 года он вместе со штурмовиками из своей партии предпринял попытку государственного переворота. После провала Пивного путча НСДАП была запрещена, а Гитлер провел несколько месяцев в тюрьме, так и не признав за собой никакой вины. Но в тот момент он стал известной фигурой, о нем писали газеты.

Ввиду отчаянного положения Германии державы-победители на конференции в Лондоне летом 1924 года после нелегких дебатов признали: чтобы Германия платила репарации, надо восстановить ее экономику и помочь с инвестициями. Был принят американский план Дауэса, по которому Германия могла платить соответственно своим возможностям и получала международный заем. Но конфликт, вызванный франко-бельгийской оккупацией, был урегулирован только на аналогичной конференции в Локарно в 1925 году. После этого Германия стала членом Лиги Наций и должна была окончательно признать послевоенные границы, что вызвало бурю возмущения в рядах националистов.

Тем временем Адольф Гитлер продолжал строить амбициозные планы. Еще в тюрьме он изложил свои идеи в книге «Моя борьба» («Майн кампф»). Впрочем, в НСДАП была тогда еще одна крупная фигура – Грегор Штрассер, фактически второй по влиянию человек, который пытался сохранить партию, запрещенную после провала путча. Однако он во многом серьезно расходился с Гитлером: допускал компромисс с другими политическими силами, в том числе с левыми, выступал против строгой партийной иерархии, даже организовал собственную фракцию с программой, отличной от гитлеровских «25 пунктов». Штрассеру активно помогал секретарь его группы, молодой человек по имени Йозеф Геббельс. Угнетенный безденежьем и жизненными неудачами, он жаждал признания и стремился сделать карьеру. Геббельс разделял националистические идеи и 22 февраля 1925 года вступил во вновь разрешенную НСДАП в партийном округе (гау) Рейнланд-Норд.

«Левые оппозиционеры» категорически расходились с Гитлером в вопросах расы и национального единства. Краеугольным камнем бредовых идей Гитлера было расовое единство всех немцев по принципу «чистоты крови». А для Штрассера и Геббельса национальный вопрос был второстепенным – куда сильнее их влекло заманчивое слово «социализм». Поэтому они считали неизбежной как классовую борьбу внутри немецкой нации, так и революцию. Гитлер же считал социальные конфликты главной причиной слабости Германии, а его целью было восстановление сильной власти и порядка. Во внешней политике Штрассер с Геббельсом и вовсе ориентировались на союз с большевистской Россией против «капитализма и империализма Запада». Фракция Штрассера стала прямой угрозой авторитету фюрера и целостности НСДАП.

Решающую победу над «левой оппозицией» Гитлер довольно легко одержал на собрании руководства партии в феврале 1926 года в Бамберге. Вот тут-то, оценив силу харизмы фюрера, Геббельс и переметнулся на его сторону. Вскоре Йозеф получил пост партийного руководителя (гауляйтера) Берлина. Перед ним открылись серьезные карьерные перспективы. Мечты сбывались, жизнь налаживалась.

Правда, положение самой НСДАП было пока более чем плачевно. Стабилизация Веймарской республики, улучшение экономической ситуации и климата в обществе оставили нацистам жалкие 2,6 % голосов и всего лишь 12 мест на выборах в рейхстаг в мае 1928 года. Однако, как только Германия вступила в Великую депрессию 1929–1933 годов, все изменилось. Несмотря на смягчение репарационных платежей по новому американскому плану Юнга, надежды на стабильность рухнули, вновь обострилась безработица, немцев с новой силой охватили неуверенность, отчаяние и обида. НСДАП, будучи по своей сути партией кризиса, сумела извлечь все выгоды из этих обстоятельств. Нацисты смогли и дать Германии «образ врага», виноватого сразу во всем, и обещать возрождение страны, которое наступит сразу же после их прихода к власти на волне народного единства. Геббельс, который к тому времени исполнял



одну из ведущих ролей в партийном руководстве, приложил немало усилий для того, чтобы немцы пошли за фюрером прямо в коричневую тьму величайшей национальной катастрофы.

## Геббельс Портрет на фоне дневника

2 мая 1945-го Берлин пал. Под вечер, когда в городе еще продолжалась сдача оружия гарнизоном, в саду имперской канцелярии возле запасного выхода из подземного убежища Гитлера (фюрербункера) были обнаружены мертвые, почерневшие от огня Геббельс и его жена; они приняли накануне яд.

Геббельс – рейхсминистр пропаганды, гауляйтер Берлина<sup>1</sup>, ближайший сотрудник и наперник Гитлера. В дни сражения он к тому же и комиссар обороны Берлина.

На другой день, 3 мая, в подземелье имперской канцелярии – фюрербункере – старший лейтенант Ильин одним из первых оказался в кабинете Геббельса.

Прочитав упоминание о себе в моих «Записках военного переводчика»<sup>2</sup>, Л. Ильин прислал мне письмо: «Вот я и есть тот самый старший лейтенант Ильин, большое спасибо, что не забыли вспомнить... “Вальтер” 35-мм, заряженный, с запасной обоймой, мной был взят у Геббельса в кабинете в столе, там были еще два чемодана с документами, два костюма, часы. Часы Геббельса находятся у меня, мне их дали как не представляющие никакой ценности, но я их храню как память...»

Документы, находившиеся в двух упомянутых Ильиным чемоданах, мне, военному переводчику штаба армии, пришлось тогда разбирать.

22 апреля – оставалось десять дней до падения Берлина – Гитлер позвонил из своего убежища Геббельсу, предложил ему перебраться с семьей в бункер, где теперь была последняя ставка Гитлера. Тотчас адъютант Геббельса был послан за его семьей, находившейся в загородном доме.

Видимо, сборы самого Геббельса были лихорадочны и в чемодан отправлялось то, что было под рукой, без внимательного отбора. Здесь оказались сценарии, присланные авторами министру, шефу кино, с сопроводительными письмами, выражавшими почтение и надежду. И изданная факсимильно семь лет назад к сорокалетию Геббельса юбилейная книга, воспроизводящая его рукопись «Малая азбука национал-социализма»<sup>3</sup>. Здесь же – полная инвентарная опись одного из загородных домов Геббельса. Учтено все – от гарнитуров до носового платка доктора Геббельса и его места в белье в шкафу. Здесь же в чемоданах были бумаги его жены Магды Геббельс: папка «Харальд – пленный», в ней документы о пропавшем на фронте без вести ее сыне от первого брака. И начавшие поступать из американского плена письма от Харальда<sup>4</sup>. В чемодане – семейные фотографии. Описи гардероба детей. Счета из магазинов. И разные семейные записи. Было тут и предсказание шведского ясновидца, доставленное в апреле жене Геббельса по партийным каналам. Ясновидец сулил: «По истечении пятнадцати месяцев Россия будет окончательно завоевана Германией. Коммунизм будет искоренен, евреи из России будут изгнаны, и Россия распадется на маленькие государства».

---

<sup>1</sup> НСДАП с 1925 года была организована по округам (гау), во главе каждого стоял гауляйтер. – *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. науч. ред.*

<sup>2</sup> Документальная повесть о поисках и опознании трупа Гитлера была опубликована в журнале «Знамя» (1955, № 2), а спустя десять лет – в книжном формате под названием «Берлин, май 1945» (полное издание в обновленной авторской редакции с приложением материалов, опубликованных впервые: «Книжники», 2020).

<sup>3</sup> Das kleine ABC des Nationalsozialisten. Freiheit und Brot! Elberfeld: Verlag der Arbeitsgemeinschaft Nordwest, 1925. В тексте речь о факсимильном переиздании «Азбуки» к юбилею Геббельса в 1937 году.

<sup>4</sup> Харальд Квандт (1921–1967) – сын Магды Геббельс от первого брака с промышленником Гюнтером Квандтом, пасынок Геббельса.

Но, надо думать, не спасением всех этих бумаг в свой последний час был озабочен Геббельс. Предметом его постоянного беспокойства в тревожные дни поражений были дневники, находившиеся там же, в одном из чемоданов. Кому именно было поручено после его самоубийства вынести чемоданы, спасти дневники – неизвестно. Как стало мне известно позже, согласно последнему распоряжению хозяина дневники должны были быть уложены в специальные металлические ящики и захоронены до второго пришествия на землю нацизма. Но указы и распоряжения больше не выполнялись. Мертвый шеф уже не мог востребовать исполнительности. А порученцы спешили, сбрасывали эсэсовскую форму, переодевались, спасались кто как мог.

Это был десяток толстых тетрадей, густо исписанных, – латинский шрифт с примесью готических букв. Буквы теснились в словах, смыкаясь, и текст очень туго поддавался прочтению. Даже для самого беглого ознакомления с дневниками никакой возможности в тех обстоятельствах у меня не было. Слишком напряженные были часы. Перед нами стояла неотложная задача – установить, что с Гитлером: жив или нет? Улетел или скрывается где-то здесь? В найденных документах мы искали какой-либо штрих, наводящий нас на верный след. Дневники же Геббельса – та группа тетрадей, что мы нашли, – начинались в 1932 году, когда Гитлер рвался к власти, оканчивались последней записью, датированной 8 июля 1941-го, через 17 дней после нападения Германии на Советский Союз, и ничем нам полезны не были.

На следующий день был обнаружен мертвый обгоревший Гитлер. Это событие и вовсе затмило интерес к дневнику Геббельса. Тетради следовало отправить в штаб фронта, но как будто некоторое время они еще оставались на попечении «хозяев» имперской канцелярии – в штабе армии, штурмовавшей ее<sup>5</sup>, – и отправлены были «наверх» около 20 мая. Следом меня вызвали в штаб фронта. Там скопились груды неразобранных документов, присланных с разных участков боев. На местах переводчиков не хватало, и нередко бумаги посылались наобум. И что-то ценное могло затеряться. Много было беспечности по отношению к трофейным документам. Сейчас даже трудно понять, как быстро произошла тогда их девальвация в восприятии тех, кто прошел долгий путь из России до победы в Берлине. В сущности, все, что было в те дни вокруг, включая нас самих, все одушевленное и неодушевленное – все было само по себе документальным.

Но тогда в штабе фронта тетради Геббельса лежали все же отдельно от всех прочих бумаг. Я была вызвана переводить их. Продвигалась я по тексту очень медленно из-за почерка Геббельса. На его неразборчивый, трудный почерк сетует немецкий историк Эльке Фрëлих, издавшая в 1987 году четырехтомное собрание рукописных дневников Геббельса, осуществившая этот многолетний подвижнический труд<sup>6</sup>.

А тогда, уяснив, что дневники обрываются в 1941-м, командование решило, что тетради не имеют практического значения и не стоит ими заниматься. Только что завершилась страшная война, как считали тогда, последняя. Люди не испытывали интереса к тому, что уводило в даль прошлого. История, казалось в мае 1945-го, начинается с новой страницы.

Но, так или иначе, на этом вроде бы можно было поставить точку. В том смысле, что найденные дневники должны были быть переданы историкам-специалистам и войти в научное обращение. А если широкий читатель заинтересуется, то и предоставить ему возможность читать их в том объеме, в каком он готов был бы преодолевать неслыханное многословие автора дневников (от руки – более 4000 страниц, да еще несметное число надиктованных Геббельсом стенографам расшифрованных машинописных страниц – они были найдены позже). Так раз-

<sup>5</sup> Первыми в фюрербункер вошли разведчики 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Среди них – переводчица Елена Каган, в будущем – писательница Елена Ржевская. Они и обнаружили трупы Гитлера, Геббельса и его семьи, а также множество документов, в том числе дневники Геббельса. *Здесь и далее – комм. науч. ред.*

<sup>6</sup> Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv / hg. E. Fröhlich. Teil I, Aufzeichnungen 1923–1941. 4 Bde. München, 1987.

вивался бы нормально этот сюжет. Но в нашем обществе нередко властвовал абсурд. Так, волей Сталина было запрещено предавать огласке, что советскими воинами обнаружен покончивший с собой Гитлер, и этот важный исторический факт был превращен в «тайну века». Как очевидец событий, сделать эту тайну достоянием гласности я смогла только после смерти Сталина. Что же касается дневников – о них ничего известно не было, будто их и не находили вовсе.

Нравы нашей секретности – поставщики детективных сюжетов, которые в свою очередь тоже засекречены, и нужно много терпения и много лет уходящей жизни, чтобы добраться до них. Так, лишь год назад<sup>7</sup> удалось установить траекторию пути этих тетрадей в Советский Союз. Они были доставлены Сталину и до 1949 года находились у него.

Дневники Геббельса оказались в круговороте тех же тайн, что и факт обнаружения Гитлера. И только после смерти Сталина я смогла впервые рассказать также и о том, что нами были найдены дневники Геббельса (Записки военного переводчика // Знамя. 1955. № 2). Не скажу, чтобы это мое первое сообщение привлекло тогда заметное внимание нашей науки – историографии, еще дремотной под игом догматизма и оттого нелюбознательной. Но на вопрос, где же дневники, я ничего не могла бы ответить толкового – да и уцелели ли они или затерялись в горах неразобранных материалов?

Но в 1964 году, когда я изучала архивные документы в связи с работой над книгой «Берлин, май 1945», я пережила неожиданную встречу с дневником Геббельса, точнее, с одной лишь тетрадью, но это все же означало, что дневники есть, они целы. Тетрадь эта – хронологически последняя из найденных нами: начата 24 мая 1941-го, доведенная до 8 июля 1941-го. Тетрадь охватывала последний месяц тайных приготовлений нацистской Германии к нападению на Советский Союз – предпринятые провокации и маскировки, доверительные беседы фюрера с Геббельсом; обнажала ближние и дальние цели войны, вводила в обстановку и атмосферу в Берлине тех дней. Дневник – саморазоблачительный документ; я писала об этом тогда, повторю это и сейчас, исходя уже из несравненно большего объема прочитанных страниц.

В журнальный вариант моей книги «Берлин, май 1945» вошли фрагменты дневника Геббельса (Знамя. 1965. № 5). Оказывается (об этом читаю теперь у Геббельса), он выгодно продал наперед свои дневники, обязав издателя опубликовать их лишь через двадцать лет после его смерти. И вот такое совпадение: ровно через двадцать лет, день в день, впервые появились записи дневников Геббельса, хранившиеся в советском архиве и миру неизвестные. В более полном объеме они вышли тогда же, составив большую главу в моей книге «Берлин, май 1945».

С той поры в течение двадцати с лишним лет новых извлечений из этого состава тетрадей опубликовано не было.

Но вот в 1973 году, находясь в Германии, я услышала по телевидению о сенсации Франкфуртской книжной ярмарки: куплены у ГДР дневники Геббельса. Речь шла о тех, что скрылись в наших архивах.

Что стояло за этим сообщением, можно было уяснить себе лишь спустя годы. Западногерманская печать сообщала: в 1969 году Берлин посетило «высокопоставленное лицо» из Советского Союза, вручившее ценный подарок – дневники Геббельса. Как выяснилось позже, микрофильмированные. Этим «высокопоставленным лицом» был Л. И. Брежнев, приехавший в Восточный Берлин.

Не стану описывать перипетии издательской судьбы скопированных дневников, осложненной тем, что издатели не располагали подлинниками и не имели к ним доступа. Все же в 1987 году четыре тома дневников Геббельса – свод рукописных тетрадей – были по заданию Мюнхенского института современной истории в сотрудничестве с Федеральным архивом изданы Эльке Фрелих. Прodelана была огромная работа, вобравшая восемь лет упорного труда историка. Тетради, найденные в бункере, составляют более половины этого собрания.

---

<sup>7</sup> Книга написана в 1993 году.

Появление дневников Геббельса западная научная общественность и печать расценивают как важное событие. Из тех, кто стоял рядом с Гитлером, один лишь Геббельс вел систематически дневник, фиксируя факты и события тех лет. В дневнике подробно записаны Геббельсом доверительные беседы с ним Гитлера в разные периоды. Откровенно освещены методы нацистов в борьбе за власть и за осуществление власти. Подготовка к агрессии – началу Второй мировой войны. Отношения внутри партии, интриги, провокации.

Но, может, не менее существенна возможность узнать из «первых рук», что за тип политического деятеля выдвинул на авансцену фашизм.

«Национал-социалистом надо родиться!» – восклицает в дневнике Геббельс, когда мучительные сомнения – стоило ли ставить на Гитлера – позади, он окреп, уверился в победе национал-социалистов, выделился в партии и стремительно делает карьеру, когда постылая бедность отошла в прошлое – партия наделяет его материальными благами. Тогда-то и найдена эта формула: «Национал-социалистом надо родиться!» Она и самоутверждение в избранничестве, и подспорье в карьере: пользуясь таким произвольным критерием, легче дезавуировать соперника в борьбе за ключевые позиции в партии, за место возле фюрера. А в этой борьбе Геббельс – с первых же своих шагов национал-социалиста и буквально до последнего часа.

В самом ли деле человек может явиться на свет эмбрионом нациста и с фатальной предназначенностью? И как утверждение Геббельса соотносится с ним самим?

Ведь каждому что-то дается в путь. Как же распорядился этой ношей Геббельс?

Я видела страшный конец Геббельса, обугленные тела его и жены, шестерых детей, умерщвленных родителями. Теперь я всматриваюсь в начало его пути. Дневник дает возможность проследить за модификациями личности Геббельса, отдавшегося нацистской карьере на службе у Гитлера. Отчетливее представить себе генезис фашизма, его роковой соблазн и тотальную разрушительность для каждого человека.

## Глава первая

### Страницы воспоминаний

Дневник предваряют воспоминания. Это своего рода подробная автобиография, написанная в 1924 году, когда Геббельс сближается с нацистами, склоняется примкнуть к ним. Ему 27 лет; он, как видно, подводит черту под предшествующими годами, расставаясь с самим собой, прежним, еще не ангажированным частным лицом.

Воспоминания написаны бегло, конспективно, фразами отрывочными, часто из одного слова, иной раз и закодированного, хотя присутствуют и более развернутые описания, сообщения о себе, о событиях своей жизни, те или иные рассуждения. Знакомясь с другими источниками за пределами этих страниц, уличаешь автора то в умолчании, то в лестных преувеличениях на свой счет. Заметно «модернизирование» себя, своих мыслей и мотивировок, привнесенных Геббельсом уже с новых позиций и опрокинутых в изображение себя в преднацистский период. Все же нельзя полностью отказать ему в откровенности. Так что с некоторыми коррективами можно уяснить себе не слишком замысловатую предысторию Йозефа Геббельса.

Он родился в 1897 году в небольшом городе Рейдте Рейнской области<sup>8</sup>, в малообеспеченной набожной семье мелкого буржуа, как он пишет, а точнее, служащего на фабрике, обремененного детьми<sup>9</sup>. Вырос в «невзрачном маленьком домике», купленном отцом вскоре после его рождения. У него серьезный физический недостаток – вывернута внутрь правая стопа. От рождения или приобретенное в отрочестве увечье – неясно. В то время, когда он писал автобиографию, врожденный физический недостаток мог бросить тень на его «расовую пригодность», а у него и без того было достаточно с этим хлопот из-за его внешности, не отвечающей стандартам арийца. Йозеф Геббельс не мог сойти за «великолепную белокурую бестию». Можно понять его стремление завуалировать происхождение физического недостатка<sup>10</sup>. Так или иначе, «это было одно из определяющих событий моего детства, – пишет он об обострившейся хромоте. – Я был предоставлен самому себе, больше не мог участвовать в играх других... Мои товарищи меня не любили. Товарищи меня никогда не любили». В школе случалось, что на него сыпались жестокие побои учителя. Но дома к нему, в связи с его хромотой, относились особенно бережно и, несмотря на суровое материальное положение семьи, ему за счет остальных детей создавались все условия для занятий, даже было приобретено для него подержанное пианино.

Память о своей ущербности присутствует в его характере и в его поведении, хотя в дневнике он почти избегает упоминаний о своем физическом недостатке. И все же... «Моя нога причиняет мне много страданий, – пишет он 15 июня 1926 года. – Я бесконечно думаю о ней, и это отравляет мне радость, когда я среди людей».

Заполняя страницы воспоминаний в 1924 году, он параллельно продолжает вести начатый дневник и срывается в нем на признание: «Дети бывают ужасающе жестоки, особенно к физическим недостаткам других детей. Я бы мог об этом порассказать». Но те невзгоды своего детства он с мазохистской готовностью тут же оправдывает правом сильного над сла-

---

<sup>8</sup> Рейдт (Rheydt) расположен в Нижнерейнском районе земли Северный Рейн – Вестфалия; с 1975 года – часть города Мёнхенгладбах. Когда Геббельс родился, эти земли входили в состав Рейнской области Пруссии.

<sup>9</sup> Отец Геббельса, Фриц Геббельс, служил конторщиком и прокуристом на фабрике; мать, Мария Катарина (Оденхаузен), была домохозяйкой. В семье росло шестеро детей, Геббельс был четвертым.

<sup>10</sup> В воспоминаниях Геббельс утверждает: острая боль настигла его, пятилетнего, после долгой семейной прогулки. В полемике с братьями по партии он назовет более поздний возраст – 14 лет. По мнению биографов, он переболел остеомиелитом, после чего правая нога стала короче левой и стопа загнулась вовнутрь.

бым: «Но дети ведь таковы от природы. Разве природа не чудовищно жестока? Разве борьба за существование – между человеком и человеком, государствами, расами, частями света – не самый жестокий в мире процесс? Право сильного – мы должны вновь явно увидеть этот закон природы, и тогда разлетятся все фантазии о пацифизме и вечном мире... Нынешний мир<sup>11</sup> заключен за счет Германии. Рассуждайте о мире, когда 60 миллионов живут в рабстве. Неужто 60 миллионов не сломают ваше ярмо, как только почувствуют в себе силы? Что вы болтаете о пацифизме! Разве мы не хотим вернуться к природе? Проповедуйте пацифизм перед тиграми и львами!.. Что ж ты хочешь от меня, если я сильнее? Жалуйся своему богу... Надо заново найти для всего простые слова, иначе мысли сбиваются... Вечных истин нет. Есть вечные законы. Законы природы».

Култ силы, култ войны. Смесь примитивного дарвинизма с утрированным фашистскими идеологами учением Ницше<sup>12</sup>.

Этим проникшим в общество мотивам вторит Гегбельс. Гитлер выскажется в том же направлении решительнее: вместо христианского призыва защищать бедных и слабых – наоборот, защищать право сильного. А слабых, то есть славян, вытеснить и подавить, расчищая пространство для германцев. В этом он видел одну из ключевых задач будущего рейха. И ссылаясь, по обыкновению, на законы природы, в которой врагов не просто побеждают, но уничтожают.

Ко времени, когда Гегбельс записал свой монолог в тетрадь, 11 июля 1924-го, он приблизился к национал-социалистам, хотя и не решил еще окончательно, с ними ли он. Он раздерган и непоследователен. Четырьмя днями ранее он заносит в дневник строки, которые расходятся с его монологом: «человек рожден для страдания», «не забывать, что мы жалкие люди». Все в нем еще неустойчиво, противоречиво. Но та риторика о праве сильного и реваншистские крикливые замашки – стартовая площадка Гегбельса – национал-социалиста.

Но это несколько позже.

---

<sup>11</sup> Версальский мирный договор 1919 года.

<sup>12</sup> Фридрих Ницше (1844–1900) – один из самых значительных немецких философов второй половины XIX века. Суть идей Ницше о «белокурой бестии», «сверхчеловеке», воле, войне и т. д. была извращена нацистами.



## «Проснулся эрос»

На страницах воспоминаний, отнесенных к годам юности и студенчества, пришедшимся на годы Первой мировой войны, его особенно занимают отношения с женщинами. «Смутное томление. Проснулся эрос. Уже мальчиком вульгарно просвещен». Сюжеты краткие и протяженные. «Я люблю женщину почти безумно. Борьба с полом. Думал, что болен. До сих пор не совсем преодолено». «Друзья отчуждаются. Только Лене. Удивительное мальчишеское блаженство. Конечно, жениться. Вопрос чести». «Я впервые поцеловал ее грудь». «Лене. Ночь с ней в Райндалене на софе. Осталась чистой. Я чувствую себя мужчиной». «Разрыв с Лене. Люблю Агнес. Холодный поцелуй на софе. Лизель любит меня, я люблю Агнес... Хассан<sup>13</sup> любит Агнес... Агнес в Бонне. Ночь с ней в комнате Хассана. Я целую ее грудь... Лизель в Бонне. Ночь с ней в комнате Хассана. Я пощадил ее. Она бесконечно добра ко мне» и так далее.

О своем товарище Кёльше он пишет возвышенно: «Мой идеал». С тем большим тщеславным удовлетворением («Кёльш вполне доверяет мне») отбивает у него девушку Анку<sup>14</sup>, и «Кёльш играет жалкую роль».

Анка «на коленях молит меня о любви. Впервые я узнал, как может страдать женщина... Она плачет как ребенок». «Она опустила в снег и умоляла меня». «Она грозит умереть... Она утопает в слезах». «У нее подгибались колени. Она побледнела как мел». Подобным же образом под пером Геббельса ведут себя позже и другие женщины, экзальтированно выражая свою страсть к нему теми же словами, клишированно и далеко не всегда правдоподобно.

Ущемленность хромотой в дни, когда его сверстники и оба брата на войне, нуждается в компенсации, и Йозеф Геббельс стремится взять верх в соперничестве, утвердиться на поприще успеха у женщин. «Я победил», «я победил», и опять «я в конце концов побеждаю».

Впрочем, тщедушный, некрасивый, маленький, он уверил себя в сходстве с портретом благородного красивого Шиллера. А такое могло явиться только в самовлюбленных фантазиях. Его прозвищем в народе, когда он станет заметной в Германии фигурой, будет Сморчок. Но нарциссизм останется в нем до самого его конца.

В женщинах он ищет в этот период поддержку, непременно восхищение его интеллектом, музицированием, а то и стихами – авансы, которые он ждет от судьбы. Но любовная связь с Анкой, крепнувшая привязанность к ней обостряют испытываемый им гнет нужды. «Разница в социальном положении [его и Анки]<sup>15</sup>. «Я бедняк. Денежные трудности. Величайшее несчастье... Я живу и живу. Я едва замечаю, что идет война». «Анка моя. Днем на Шлоссбергвизе. В сене... Денег нет... Едва замечаю. Только Анка и тысячу раз Анка. Блаженные дни. Только любовь. Наверное, счастливейшее время моей жизни. Денег нет. Отчаянное письмо домой... Я плачу от отчаяния перед нуждой».

**1918 год.** «Впервые Достоевский. Потрясен. “Преступление и наказание”. Читаю по ночам». «Приехал Кёльш. Анка борется в последний раз [в выборе между ним и Кёльшем]. Я победил... Революция. Отвращение... Демократические влияния. Тем не менее консервативен. Выборы. Баварская народная партия. Меня это не заботит...<sup>16</sup> Сладостная, блаженная ночь».

<sup>13</sup> Хассан – прозвище одного из приятелей, которыми Геббельс обзавелся в Боннском университете, Ханса Ортцена. Агнес была сестрой другого приятеля, Карла Хайнца Кёльша.

<sup>14</sup> Анка Шталхерм происходила из обеспеченной семьи, категорически возражавшей против «нищего калеки», что способствовало обострению классовой ненависти Геббельса, который в эту пору чувствует себя «социалистом» и «врагом буржуазии».

<sup>15</sup> Комментарии в квадратных скобках принадлежат автору.

<sup>16</sup> «Не заботит» Геббельса и созданная в апреле 1919 года Баварская советская республика, левый эксперимент на немец-

**1919 год.** Ему 22 года, он еще студент. Любовные переживания и неотступно присутствующая нужда. «Денег нет. Даю уроки». Но, как видно, не очень прилежно. «Анка хочет украсть для меня сберкнижку». И тут же: «Анка знать не желает о моей нужде». Она «подарила мне золотой браслет... Денег нет. Я живу почти целиком на ее счет. Она добра и щедра».

В ревности стороны не обходятся без угроз смерти, без револьвера, имитации попыток не то самоубийства, не то убийства – словом, роковые страсти в духе моды времени.

## «Я должен найти себя»

«Думаю о социальных проблемах. Экспрессионизм... Споры о Боге вечером в моей каморке... Вечером нет денег на ужин. Оставил официанту часы». «Фантастические планы женитьбы. Разбиваются о мещанство. Политика. Демократия и коммунизм... Девки в университете... Мистика. Поиски Бога. Я в отчаянии. Анка больше не может помочь. Куда деваться?.. Анка потеряла наши деньги. Тяжелая сцена. Поиски покоя и ясности... Я должен найти себя».

## Курс доллара в 1923 году

(марок за 1 доллар)

Январь	17 972
Июль	353 412
Август	4 620 455
Сентябрь	98 860 000
Октябрь	25 260 208 000
15 октября	4 200 000 000 000

«Пасха 1920... Лихорадочное чтение. Толстой. Достоевский. Революция во мне. Россия... Красная революция в Руре. Там она спозналась с террором. Я издали восхищен. Анка меня не понимает».

Роман с Анкой подходит к концу. Анка оставляет его. У нее появляется жених, вероятно более приемлемый, нежели превратившийся в люмпена Геббельс, тяжело переживающий этот разрыв, травмированный, вспоминающий Анку и спустя годы.

В конце шестидесятых я случайно разговорилась на улице Восточного Берлина с прогуливавшимся стариком. Он был рад встретить в заезжем человеке слушателя, готового узнать про то, что он пережил на своем веку. Со старческой горделивостью он вел отсчет пережитому издали, от «лучших времен» – при кайзере Вильгельме. И потом во все последующие эпохи, будь то Первая мировая война, Веймарская республика, время Гитлера, принесшего, казалось поначалу, облегчение тяготам жизни, а следом – войну, разруху. И каждую названную им эпоху он метил, громко восклицая: «Мы всегда голодали!»

Мне запомнился этот старик, пронзительно славший прошлому и боль, и счет. С неизжитым отчаянием он помнил страшную инфляцию после поражения в Первой мировой войне, голод. Деньги возили тачками. Сосчитать невозможно. Старые люди были совсем беспомощны.

Позади университет, защищена диссертация. Достигнута первая цель – отныне вождь-ленное «доктор» будет неукоснительно подчеркиваться им<sup>17</sup>. Осуществлена мечта родителей. Но Геббельс не видит себе применения. Живет дома, пытается что-то писать. Его новая подруга, Эльзе Янке, молодая учительница, с содействием родственника помогла Йозефу получить место служащего в банке в Кёльне, при той безработице – чуть ли не завидное.

«Индустриальный и банковский капитал. Нужда прояснила мое зрение. Отвращение к работе в банке. Отчаянные стихи. Еврейство... Еврейский вопрос в искусстве. Гундольф...<sup>18</sup> Гитлер... Раздоры с Эльзе. Ее сестры Труди и Лоре. Еврейство... Томас Манн. Генрих Манн, «Верноподданный». Достоевский, «Идиот» (величайшее впечатление). Революция во мне. Пессимизм ко всему. Немецкая музыка. Вагнер. Отход от интернационализма... Безработица... Я сыт банком по горло... Отчаяние. Мысли о самоубийстве. Политическое положение. Хаос в Германии».

---

<sup>17</sup> Диссертацию на степень доктора философии Геббельс защитил в апреле 1921 года в Гейдельберге. Многие профессора, которыми он восхищался, были евреями.

<sup>18</sup> Фридрих Гундольф (Гульденфингер, 1880–1931) – поэт, литературовед, известный филолог-германист, один из профессоров Геббельса в Гейдельберге. По происхождению еврей.

## «Хаос во мне»

Честолюбие выталкивает его из банка<sup>19</sup>. «Я все поставил на карту. Прочь из этой клетки или смерть». Прочь, но куда? Чем заняться? Ему 26. Он по-прежнему без средств к существованию. И все еще на шее у отца. И в 27 все так же. Из скромного своего жалования часть денег отец ежемесячно отрывает у семьи в шесть едоков и с молчаливым укором исправно шлет Йозефу, вызывая в нем вспышки скрытой ненависти: «Мой папенька, любящий пиво педант, нечистый, мелкий в мыслях, озабоченный своим бюргерским существованием, без всякого шарма, почти без проблеска мысли. Мелкий буржуа мельчайшего масштаба. Бедняга! Бедный глупец! Но он, конечно, попадет на небо. Понять не могу, зачем мама вышла замуж за этого старого скрягу» (12.8.1924).

Было: «Военный психоз. Никто ничего не замечает». Это в 1915-м. Но пришло мрачное отрезвление. Реакция. Германия истерзана войной и поражением, унижена Версальским договором, репарациями, массовой безработицей, хаосом, безудержной инфляцией<sup>20</sup>.

Вернулся из плена старший брат Йозефа. «Ганс принес ненависть и мысли о борьбе». Он станет ярым нацистом<sup>21</sup>.

«Пессимизм. Мысли о смерти». «Хаос во мне. Брожение». «Отчаяние. Я больше ни во что не верю». И поза: «Я отведал хаоса. Ужасное еще предстоит». Выбитая почва, утрата традиций, разочарование, ранние смерти молодых – это общий фон жизни. Разъедающая тревога, пессимизм, подпитываемый влиятельной в эти дни книгой Шпенглера «Закат Европы»<sup>22</sup>. Отторженность от действительности. Геббельсу не удастся в нее вписаться. Нет надежды выбиться, нет обозримых перспектив для карьеры (хотя и неясно какой), и это, похоже, главный источник отчаяния. «Отчаяние. Мысли о самоубийстве». «Отчаяние. План самоубийства» – рефрен его записей. Встречающиеся в них те или иные суждения сумбурны, грубо эклектичны, назойливы, взаимно исключают друг друга. Какая-то нервическая пена противоречий. Он то в поисках Бога, то приветствует красную революцию и восхищен террором. То в отчаянии от хаоса («В Германии хаос. Судьба рейха на лезвии ножа»), то призывает хаос, и это не единственное, что роднит его с национал-социалистами, хотя он еще далек от них. На страницах воспоминаний Геббельс – малоприятный молодой человек, характера мелкого, тщеславного, истерического, но нацистом ему суждено стать не от рождения, как ни прокламировал он это.

Позже, став нацистским функционером, он измышлял, что уже в 1922 году вступил в партию, приписывая себе убедительный стаж. Но тогда он еще не был членом партии. Да и как знать, могло ведь все сложиться по-другому. Он хотел после гимназии изучать медицину. Может, это уберегло бы его от воплощения в нациста. Но учитель<sup>23</sup> наставлял Йозефа: только словесность. При эгоцентризме юного Геббельса занятия литературой породили в нем тщеславные притязания стать писателем и обрекли в неудачники. В юности он был подвержен романтическим порывам: вместе со своим единственным другом Рихардом<sup>24</sup> мечтал уехать

---

<sup>19</sup> Геббельс продержался в банке менее года. И это была его первая и последняя «непартийная» должность.

<sup>20</sup> Зарплату в Германии к осени 1923 года выдавали два раза в день в корзинах, мешках и рюкзаках. Квалифицированный рабочий мог получать около трех триллионов марок.

<sup>21</sup> Ганс Геббельс (1895–1947) в 1915 году был призван в армию, в 1916 году попал в плен к французам, после чего страдал от тяжелого заболевания почек и ненавидел Францию. Вступил в НСДАП в 1929 году, стал оберфюрером СА. 13 августа 1947 года Ганс умер от сепсиса во французском лагере для интернированных.

<sup>22</sup> Освальд Шпенглер (1880–1936) – немецкий философ и историк, последователь «философии жизни» Ницше. Вышедший сразу после войны в 1918 году первый том «Заката Европы» имел огромный успех, за год книгу переиздали семнадцать раз.

<sup>23</sup> Учитель немецкого языка Г. Фосс.

<sup>24</sup> Рихард Флигес. Погиб от несчастного случая в шахте в 1923 году. Его судьбу Геббельс «подарил» герою автобиогра-

в Индию. Мечта отпала. Потом была смерть Рихарда, поразившая Гёббельса («Товарищи меня никогда не любили». Все, кроме одного – Рихарда). И его смерть надолго осталась зарубкой в душе Гёббельса. Любимая Анка предпочла ему другого.

Множились обиды, страх одиночества, страх прозябания, социальной незащищенности. Неотступны страдания из-за ноги. Тиранила неудачливость. Безуспешна до отчаяния была картина самой побежденной Германии. Все это создавало комплекс крайней уязвленности жизнью в сочетании с пылающей жадой выделиться – во что бы то ни стало! И все больше склоняло Гёббельса к национал-социалистам.

Студенты проходили маршем по широкой площади и бросали факелы в разложенный в ее центре костер <...>. Выкрикивая лозунги и передавая из рук в руки книги, они предали огню книги, противные здоровому немецкому духу.  
(Из сообщения газеты «Нойкёльнер Тагесблатт» о сожжении книг в Берлине 12.5.1933)

Но он еще на распутье. И краеугольный камень идеологии нацизма, центральный пункт программы – антисемитизм, покуда что у Гёббельса дилетантский, традиционный, а не тот матерый, профессиональный, которым он овладеет и примется насаждать его. Если к этому добавить то, о чем умалчивает Гёббельс, но пишут его биографы, получается и вовсе смешанная, пестрая картина. Так, в университете его любимейшим профессором был знаменитый Фридрих Гундольф. Гёббельс посещал его семинар, профессор дал ему тему для диссертации. Но интеллект тщеславного молодого человека не произвел на Гундольфа убедительного впечатления, и в узкий кружок своих учеников он Йозефа не ввел<sup>25</sup>. Гёббельс тем не менее продолжал чтить его. Однако не исключено, что уязвленность, которую он тогда испытал, припомнится в свой час евреям. Его *Doktorvater*<sup>26</sup>, профессор Макс Вальдберг, тоже еврей, помог Гёббельсу в работе над диссертацией и при защите ее.

Приятель родителей Конен снабжал подростка Йозефа книгами, открывая незнакомых ему современных писателей (Томаса Манна и его «Будденброков»). К Конену обращался за советом Гёббельс, когда в юношеские годы пытался писать, носил ему свои сочинения. А в тяжчайшие дни студенческого безденежья тот оказывал Гёббельсу материальную помощь. В письмах Гёббельс обращается к нему Onkel – дядя – и просит выслать деньги. Как нечто само собой разумеющееся он записывает в воспоминаниях о присылаемых ему по почте Коненом деньгах. Конен – еврей.

Стремясь преуспеть в журналистике, Гёббельс за образец себе берет известного талантливого писателя и журналиста Теодора Вольфа<sup>27</sup>, многолетнего редактора либеральной «Берлинер Тагесблатт», еврея, и только в его видном органе, а не где-либо еще он мечтает напечататься. Он упорно шлет одну за другой статьи редактору и неизменно получает бездушный отказ. Последствия нанесенных ему поражений, которыми он не делится с дневником, испытал на себе опрометчиво обращавшийся с его рукописями редактор. Вольф, эмигрировавший с установлением нацистского режима, после оккупации Франции – он уже старик – был схвачен, доставлен в рейх и погиб в концлагере Заксенхаузен.

Мстительность была органичной чертой Гёббельса, установившего с приходом к власти теснейшую связь со спецслужбами.

---

фического романа «Михаэль».

<sup>25</sup> Здесь Ржевская следует версии биографа Гёббельса Гельмута Хайбера (*Heiber H. Joseph Goebbels. Berlin, 1962. S. 29–31*).

<sup>26</sup> Буквально «доктор-отец», научный руководитель.

<sup>27</sup> Теодор Вольф (1868–1943), руководивший «Берлинер Тагесблатт», не опубликовал ни одной из 50 присланных ему Гёббельсом статей. В 1933 году Вольф бежал во Францию, а его газету жгли на поощряемых Гёббельсом аутодафе. В 1943 году Вольф был передан гестапо, отправлен в концлагерь, где и умер.

Как пишут дотошные его биографы, Гebbельс подарил Анке томик своего любимого поэта Гейне<sup>28</sup>, книги которого будут гореть в первом же аутодафе<sup>29</sup> из серии фашистских бесчинств и насилия, учиненного министром пропаганды и просвещения Гebbельсом. Да только именно Гейне провидел: «Wer die Bücher verbrennt, irgendwann die Menschen verbrennen wird» – «Кто сжигает книги, когда-нибудь будет сжигать людей».

**Август – октябрь 1923.** «Плохо с деньгами. Инфляция. Уход из банка. Что теперь? В числе безработных. Прометей жжет мне душу. Отчаяние». Прометеев комплекс! Эдаким запросом и впредь, воспаляя себя, будет он терзаться: «Горю и не могу зажечь. Еврейство... Гибель немецкой мысли». Это уже напрямик Шпенглер. «Я больше не могу выдержать муки. Эльзе подарила мне тетрадь для дневника. Я должен писать, чтобы выразить горечь сердца».

---

<sup>28</sup> Генрих Гейне (1797–1856) – выдающийся немецкий поэт-романтик, по происхождению еврей.

<sup>29</sup> Вечером 10 мая 1933 года факельные шествия и акции по сжиганию книг прошли в 34 университетских городах Германии. Было сожжено около 25 тысяч томов, в основном – авторов-евреев.



## Пивной путч

Та тетрадь, что подарила ему Эльзе Янке, «возлюбленная, невеста», кстати сказать, полуеврейка<sup>30</sup>, пропала. Геббельс, заполнив тетрадь, подарил ее Эльзе. И в дневнике нет записей о «величайшем» событии, каким станет в мифологии нацизма Пивной путч 8–9 ноября 1923-го – авантюрная попытка Гитлера поднять мятеж и, подобно осуществленному годом ранее походу Муссолини на Рим, возглавить такой же поход на Берлин, чтобы свергнуть республиканское правительство и встать во главе страны.

Работая в 1964 году в московском архиве, я обнаружила две никому на тот момент не известные рукописи. Автор обеих – военнопленный, бывший начальник личной охраны Гитлера, обергруппенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Ганс Раттенхубер<sup>31</sup>. Одна из рукописей – его собственноручные показания, другая, более полная, написана немного позже, в плену, – о Гитлере и о себе.

В 1918-м он обучался на офицерских курсах. Но уже год спустя Версальским договором Германия была разоружена, и состав рейхсвера (вооруженных сил) не мог превысить 115 тысяч человек. Безработный, отправленный в отставку офицер поступил в мюнхенскую полицию. Будущий начальник личной охраны Гитлера повидал своего шефа в разных ипостасях.

«Мне часто приходилось при выполнении своих полицейских обязанностей наблюдать за поведением Гитлера в мюнхенских пивных. Шутники тогда говорили, что если бы не было мюнхенского пива, то не было бы и национал-социализма. Гитлер начал свою политическую деятельность в мюнхенских пивных, где сперва выступал как агитатор-одиночка<sup>32</sup>, а затем – как глава созданной им партии. Идеи реванша, воинственные призывы к походам на Запад и на Восток, погромные выкрики, заклинания, начинающиеся словами “Мы, немцы” или “Мы, солдаты”, имели особенный успех в возбужденной атмосфере пивных». На противников, оппонентов Гитлер со своими сторонниками набрасывались, избивали, «частенько их оружием были пивные кружки».

«В тот период “этот крикливый парень из пивной”, как называли его в нашей полицейской среде, доставлял нам немало хлопот. Помню, каким он предстал перед моими глазами в момент совершения им путча 8 ноября 1923-го. (Это происходило в пивной “Бюргербройкеллер”). Его “молодцы” окружили здание, в котором выступали члены баварского правительства перед мюнхенцами, а сам Гитлер с наиболее преданными штурмовиками ворвался в зал. Он казался одержимым. Вскочив на стул, Гитлер выстрелил в потолок и с криком бросился в президиум. Под угрозой оружия гитлеровцы заставили правительственный кабинет публично отречься от власти. Гитлер объявил себя правителем и тут же сформировал новый кабинет, который не просуществовал и одного дня. Никто из нас тогда не думал, что этот фарс является прелюдией одной из самых страшных трагедий». Так готов судить о фашистском режиме, пережив его крах, главный телохранитель Гитлера, оказавшийся военнопленным.

Члены баварского правительства в критический момент согласились на требования Гитлера участвовать в «походе на Берлин», но, как только оказались вне опасности, распорядились арестовать Гитлера.

---

<sup>30</sup> «Эльзе призналась мне в своем происхождении. С тех пор первое очарование уничтожено», – пишет Геббельс.

<sup>31</sup> Йоханн «Ганс» Раттенхубер (1897–1957) – начальник личной охраны Гитлера, шеф имперской службы безопасности. 2 мая 1945 года попал в плен, дал подробные показания о последних днях в бункере, затем в течение нескольких лет с помощью переводчика писал воспоминания «Гитлер, каким я его знал». В 1965 году в книге Е. Ржевской «Берлин, май 1945» воспоминания Раттенхубера впервые введены в научный оборот.

<sup>32</sup> Агитатором-одиночкой Гитлер не был. В 1919 году в его обязанности как референта службы военной разведки входил сбор информации о настроениях. Но один раз он все же выступил с речью о единстве и неделимости Великой Германии и сразу был приглашен в руководящий комитет Немецкой рабочей партии ответственным за пропаганду.

При нестабильной ситуации в стране, сотрясаемой вспышками рабочих волнений, баварское правительство в своем отношении к Гитлеру было непоследовательно: то преследовало его, то порой готово было видеть и возможную опору в нем.

Состоялся суд, предоставивший Гитлеру трибуну. Наглость, крикливость Гитлера на суде, скандальность, запугивание властей угрозами со стороны левых, игра на болезненных национальных чувствах и амбициях, готовность на все, только бы привлечь внимание, – известная тактика политических персонажей определенного толка. Мюнхенский эпизод не остался локальным. Освещавшийся в прессе суд имел широкий резонанс по всей стране, создал Гитлеру большую популярность.

Гегбельс, когда познакомился с Гитлером, упорно желавшим считать мюнхенский путч революцией, позволял себе в дневнике подтрунивать над ним: «Шеф [так Гегбельс долго называл в дневнике Гитлера] – крупный путчист». Но с захватом власти нацистами 9 ноября дата путча, который устойчиво теперь именовался «революцией», отмечалась ежегодно со всей помпезностью при активной режиссуре Гегбельса. На месте действия, в Мюнхене, – многотысячное факельное шествие во главе с Гитлером, с колоннами «старых борцов», накаляющая толпы барабанная дробь, «последняя переключка» – выкрикивание Гитлером имен нацистов, погибших в годы уличных схваток. В один из юбилеев (1935) – церемония «воскрешения из мертвых», как торжественно писали газеты. На площадь доставлены извлеченные из могил останки шестнадцати погибших в дни путча нацистов, их поместили в саркофаг; артиллерийский салют в их честь – апофеоз праздника.

«Чего я хочу?»

27 июня 1924 года. Этой датой начинается огромный массив дневника. Язык записей зачастую небрежен, произволен по отношению к канонам грамматики.

Гегбельсу 27 лет. Он по-прежнему без какой бы то ни было работы. «Я не могу сосредоточиться». «Чего я хочу?»

Неудачник, раздербанный непродуктивным честолюбием. Неукротимая мания выделиться неизвестно за счет чего. И отчаяние от того, что это может не состояться. Затянувшаяся незрелость. Подростковые комплексы: агрессивность, максимализм, истеричность. Ультиматумы судьбе: угрозы самоубийства. Эти наблюдения будут накапливаться по мере чтения дневника.

Здесь и обеты, которые он не станет исполнять, и мольбы к христианскому Богу, которого вместе с его учением он потом предаст, следуя Гитлеру. Заметны психическая аномалия, болезненное рефлексирование, не согласующиеся между собой мысли, даже если каждая сама по себе выражена логично или содержательно, повышенная чувствительность к сексуальному дискомфорту и эротизм, перетекающий в политику и обратно.

Но сейчас остается еще полтора месяца до того дня, как он решит примкнуть к национал-социалистическому движению. Он начинает дневник еще не определившимся организационно среди борющихся партий и пока как будто с независимым манифестом. В нем и поза, но и смятение, выпренность, но и искренний протест отверженного.

**27 июня 1924.** Пусть эта тетрадь способствует тому, чтобы я стал яснее духом, проще мыслью, больше в любви, доверчивее в надежде, пламеннее в вере и скромнее в речи! [Жаль, что эти надпартийные добродетели ему не понадобятся. Все с ним будет как раз наоборот. Но пока впечатления от прочитанных книг питают его. И в этих первых записях он сосредоточеннее, традиционнее, словно перед тем, как отпасть от культуры.] Все эти книги о раннем христианстве происходят не из чего иного, как из сильнейшей тоски по Духу Святому. Гауптман, «Безумец во Христе»<sup>33</sup>. Пока первая книга на

---

<sup>33</sup> Герхард Гауптман (1862–1946) – выдающийся немецкий драматург, лауреат Нобелевской премии 1912 года.

немецком языке на эту тему. Но насколько этот «Безумец» уступает «Идиоту» Достоевского. Россия найдет новую христианскую веру со всем юношеским пылом и детской верой, с религиозной скорбью и фанатизмом. В эти дни я много думаю о будущем Европы и Германии... У нас уже есть новый человек, по крайней мере зачаток его. Но человеческое общество осталось прежним. В Европе не будет покоя, пока не будет разрушена эта форма человеческого общества. Новая порода придаст себе свою новую, соразмерную ей форму. У нового человека всегда и повсюду одно лишь стремление – к новому миру... Я хотел бы совершить с Эльзе свадебное путешествие с большими деньгами, большой любовью, без забот, в Италию и Грецию.

Но совершить путешествие ему доведется не скоро. С женой богатой, с Магдой.

## «Куда я пойду?»

**30 июня 1924.** В неоккупированной зоне уже вовсю идет борьба, которую я так давно ожидал, борьба между Народной партией свободы и Национал-социалистической рабочей партией<sup>34</sup>. Им тесно вместе... Куда я пойду? Что за вопрос. К юношам, которые подлинно жаждут нового человека... Если б Гитлер был на свободе! Максимилиан Гарден, «Процесс»<sup>35</sup>. Как лживо, как самодовольно, как все написано для собственного упоения. Но порой поразительные проблески духа. Господа из Народной партии, вам следует быть живее, духовно подвижнее, чтобы покончить с такими писателями. Одними ругательствами тут не обойдешься. Гарден – человек, способный на все: остроту, желчь, шутку, сатиру. Типично еврейский способ борьбы. Можно ли побить этих евреев иначе, чем их собственным оружием?.. Идея великой Германии хороша, но нет доблестных, прилежных, умных и благородных вождей... Нет фюрернатур<sup>36</sup>. Я вообще пока не вижу народного вождя. Я должен скоро его найти, чтобы обрести новое мужество, новую уверенность в себе. И так всегда. Одна надежда за другой рушится во мне. Я иду прямо к отчаянию... Человек стоит столько, сколько он заплатил бы за себя, будь он другим... Я уже вечность жду места и денег. Отчаяние! Скепсис! Надрыв! Я больше не вижу выхода.

**2 июля 1924.** Дух терзает нас и гонит от катастрофы к катастрофе. Только в чистых сердцах найдет терзаемый человек избавление от беды. Вырваться из духа к чистым людям! Роза Люксембург, «Письма из тюрьмы Карлу Либкнехту». Похоже, идеалистка. Порой поразительна ее искренность, теплый, ласковый, дружеский тон... Во всяком случае, Роза страдала за свою идею, годами сидела за нее в тюрьме; наконец, умерла за нее. При наших размышлениях этого забывать нельзя... Я слышу, как Эльзе командует на соседнем школьном дворе...<sup>37</sup> Она уже не может существовать без меня. Я ее всё. Почему судьба дает мне так много любви? Почему я сам могу снова так много давать в любви? Я не такой, как все? Я дитя счастья? Или мне позволено сильнее насладиться жизнью и ее сокровищами, потому что мне рано придется расстаться с ней?

**4 июля 1924.** Человеку трудно вылезти из собственной шкуры. А моя шкура теперь несколько односторонне антисемитская... Наш величайший враг в Германии – еврейство и ультрамонтанство...<sup>38</sup> Нам в Германии не хватает сильной руки. Положить конец экспериментам и фразам. Начать серьезную работу. Подорвать еврейскую свору, которая не желает приспособиться к ответственному мышлению народного сообщества... Германия тоскует об Одном, о Мужчине, как земля летом тоскует о дожде<sup>39</sup>. Нас спасет лишь

---

<sup>34</sup> Рурская область в январе 1923 года была оккупирована франко-бельгийскими войсками.

<sup>35</sup> Максимилиан Гарден (Феликс Витковский, 1861–1927) – немецкий журналист и актер.

<sup>36</sup> Прирожденного фюрера (*нем.*).

<sup>37</sup> Эльзе вела занятия спортом.

<sup>38</sup> Ультрамонтанство – религиозно-политическое направление в католицизме, основанное на идее неограниченной верховной власти папы римского и его праве вмешиваться в светские дела государства.

<sup>39</sup> Такой пафос Гёббельса не случаен: всеобщее озлобление, тоска по «народному вождю», «тайному кайзеру» порождали

решительное соби́рание сил, вдохновение и неустанная преданность. Все это, конечно, были бы чудеса. Но разве чудо не может еще нас спасти? Господь, яви Германии чудо! Чудо!! Мужа!!! Бисмарк, восстань! Мозг и сердце у меня словно высохли от отчаяния обо мне и моей родине... Отчаяние! Помоги мне, Господи! Силы мои на исходе!!!

## «Мы, молодые, без рода и традиции. Мы соль земли»

**7 июля 1924.** Политическая обстановка в Европе, особенно что касается отношений Германия – Франция, устремляется к насильственному сотрясению... Хайль унд зиг!<sup>40</sup> За нового человека. Я читаю мемуары Бебеля<sup>41</sup>. Он начал с нуля и стал известным, наводящим страх вождем социалистов... Позднее этот социализм был отравлен еврейством. Как применимы к немецкому мещанину кровавые идеи мировых катастроф какого-то Маркса, Ленина, Троцкого? Русские достаточно причудливы, у них большевизм может соединяться с мистикой, фантазией, экстазом, возможно даже без желания и понимания этого вождями... Фантастически экстремистские вожди немецкого коммунизма натываются на немецкого мещанина. На немецкую глупость – или осмотренность, как кому угодно... Квинтэссенция нового человека – мы, молодые, без рода и традиции. Мы соль земли. Поверх дворянства и буржуазии – новая порода... Мое будущее в непроницаемом мраке. Мне не на что надеяться и всего надо опасаться... Все дороги для меня закрыты. Грудь полна стремлений, но я нигде не нужен. Где найду я спасение?... Я хотел бы снова однажды взмахнуть крыльями! Полететь в голубую даль! Почему все мы, современные люди, любим больное? Или мы сами больны? Мы слишком много страдали! Декаданс и сладок, и одновременно горек. Но смесь соблазнительна для современников. Бдительность, друг! Не думать об этом! Жертвовать! Исполнять твою миссию!

В Германии после Первой мировой войны – эпоха быстрого распада традиционных связей и представлений, опустошенность сознания утратой вековых ценностей. Слом укоренившихся государственных структур распаивает болезненно-необжитые просторы непредсказуемой свободы. И сулит преимущество какой-то новой безродности – «поверх дворянства и буржуазии». Уместным мне кажется привести тут слова итальянского правоведа Луиджи Феррариса<sup>42</sup>, взглянувшего на все как бы с другой стороны и предъявившего счет подступавшей эпохе. Ее вина, говорит он, была в том, что человек стал воспринимать себя как модель для успеха и ставить себе честолюбивые, нереализуемые цели. Геббельс без призвания, но с лихо-радочной претензией выделиться – тому пример.

---

<sup>40</sup> «Ура и победа» – вариант будущего клича нацистской партии «Зиг хайль».

<sup>41</sup> Август Бебель (1840–1913) – деятель международного и германского рабочего движения, депутат рейхстага.

<sup>42</sup> Луиджи Витторио Феррарис (1928–2018) – итальянский правовед и дипломат, в 1980-е – посол в ФРГ. Ржевская ссылается на его статью в специальном выпуске журнала «Шпигель» к столетию Гитлера (Spiegel Spezial. 1989. № 2. С. 38–40): «Der Wahn schaffte den Konsens» («Безумие сформировало консенсус»). Далее в ссылках этот выпуск журнала, собранный под одной обложкой мнения писателей, историков, философов, указывается сокращенно: «Шпигель».

## «Горю и не могу зажечь»

**9 июля 1924.** Возможно, Англия с ее скрытным деловым чутьем навредила нам после 1918-го больше, чем Франция с ее откровенным желанием нас уничтожить. У государственного социализма есть будущее. Я верю в Россию. Кто знает, для чего нужно, чтобы эта святая страна прошла через грубейший большевизм. Наше государственное чувство должно быть пропитано ответственностью и радостью. Мы должны преодолеть усталость от государства.

«Я национал-большевик», – скажет он в другой раз.

**11 июля 1924.** Франция и Англия сговорились, разумеется, за счет Германии. Эррио<sup>43</sup> – коварный подлец. Пуанкаре<sup>44</sup> мне симпатичнее... Я жду и не знаю чего. Чего-то неизвестного, но чего же?.. Есть люди, столь изолгавшиеся, что из их слов уже инстинктивно отбрасывают 90 % как ложь. Часть из них патологические вралы (...пожалуй, и я), часть – заклятые лжецы.

По поводу лживости Гегбельса сходятся все исследователи. Но подобные признания и самокритичность позже не найдут себе места в дневнике.

**14 июля 1924.** Обо всем позабыть. Ни о чем не думать... Интернационалисты в коммунизме – евреи. Настоящие рабочие в действительности национальны до мозга костей, даже если они ведут себя как интернационалисты. Их беда в том, что евреи так превосходят их умом, что своей болтовней побивают их... Интернационализм противоречит законам природы...

**15 июля 1924.** Достоевский, «Нетхен Незванов». Доставляет удовольствие. Русская психология так наглядна, поскольку она проста и очевидна. Русский не ищет проблем вне себя, поскольку он носит их в своей груди. Россия, когда ты проснешься? Старый мир жаждет твоего освободительного деяния! Россия, ты надежда умирающего мира! Когда же придет день?

Он снова возвращается к «Неточке Незвановой».

**17 июля 1924.** Трогательная история девушки... Этому русскому трудно подражать. Психология у Достоевского всегда блестящая. Но в остальном по сравнению с большими романами «Нетхен» – приложение. Много в ней слишком мелко для этого великого, великого русского. Может, ему были нужны деньги. Или он хотел расслабиться после большого романа... Я так малодушен перед повседневной жизнью. За что ни берусь, все не удается... Будто мои крылья подрезаны. Это делает меня хилым, апатичным. До сих пор у меня все еще нет верной цели в жизни. Иногда утром мне страшно подниматься. Ничто не ждет меня – ни радость, ни страдание, нет ни долга, ни задачи... Я снова спрашиваю себя: что мне делать? С чего начать? Вечное сомнение, вечный вопрос. Как иссохла моя душа... Горю и не могу зажечь! У

---

<sup>43</sup> Эдуар Эррио (1872–1957) – премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1924–1925 годах.

<sup>44</sup> Раймон Пуанкаре (1860–1934) – политический и государственный деятель Франции, три раза был премьер-министром.



меня нет денег, меня это подавляет. Я проклят... На что нужны эти газеты! От них становишься только глупее и тупее. Политика меня погубит.

**19 июля 1924.** Да, монархия Старого Фрица<sup>45</sup> – это было наилучшее государственное устройство. Но где взять великого Фрица?

---

<sup>45</sup> Старый Фриц – Фридрих II Великий, король Пруссии (1712–1786), сторонник «просвещенного абсолютизма», провел реформы в Пруссии, при этом не забывая о последовательном усилении ее армии, военной мощи и влияния в Европе.

## «Эрос моя мука»

**23 июля 1924.** Кто теперь назовет Манна<sup>46</sup> чисто расовым писателем?<sup>47</sup> У этого Манна нет расы, есть только цивилизация... За это вас хвалят только ваши еврейские приятели, хвалят ради политики, а не из эстетических соображений... Эльзе мила и добра. Как жена и возлюбленная. Кошечка для постели? О нет, нечто большее... Но жизнь так вульгарна. Я часто стыжусь самого себя. Если б я мог на тебе жениться, Эльзе, было бы много легче... Мы тянем друг друга в грязь. Мы думаем и смеемся иногда так вульгарно. О, этот избыток низменного и стыда! Бедная Эльзе! Я действительно твой соблазнитель. Мы утрачиваем нашу любовь. Почему так должно быть? Почему эрос моя мука, почему он не должен быть для меня радостью и силой?.. Лондонской конференции вновь грозит срыв<sup>48</sup>. Евреи не хотят давать денег без гарантий. Французы хотят всё новые формы гарантий. Тот случай, когда немецкий и еврейский интерес совпадает. Среди эксплуататоров нет единства. Борьба между деньгами и нацией... Я жду Эльзе, и мое сердце колотится, готовое разорваться.

Эрос! Эрос!! Эрос!!!

---

<sup>46</sup> В 1930 году Томас Манн призывает к созданию антифашистского фронта, в 1933-м эмигрирует, хотя вплоть до 1936 года его будут пытаться вернуть на родину.

<sup>47</sup> Томас Манн (1875–1955) – немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии. В 1924 году вышел «интеллектуальный роман» Томаса Манна «Волшебная гора».

<sup>48</sup> На конференции в Лондоне по решению репарационной проблемы амбиции сторон, особенно Франции, неоднократно ставили переговоры под удар.

## «Кто я?.. Я пока – ничто»

**25 июля 1924.** Вечный вопрос о собственном предназначении. Кто я, зачем, в чем моя миссия и мой смысл? Могу ли я верить в себя? Почему другие в меня не верят? Лентяй я или избранный, ждущий гласа божьего? От глубочайшего отчаяния спасет меня все тот же сияющий свет: вера в собственную чистоту и в то, что мой великий час должен прийти... Я вышел из Вагнера<sup>49</sup>.

**29 июля 1924.** Нужно отказаться от всего, что называешь собственным мнением, гражданской отвагой, личностью, характером, чтобы стать какой-то величиной в этом мире протекции и карьеры. Я пока – ничто. Большой ноль... Прежние друзья избегают меня как чумы.

Кто-то из них посоветовал ему сначала самому научиться думать. Он поражен таким умалением его и яростно судит теперь обо всех прежних друзьях: «Наша золотая молодежь. Академическое юношество. Будущие вожди народа. Отпрыски буржуазии. Неудивительно, что коммунисты ненавидят буржуазию как чуму... Мой эрос болен. Я не могу даже об этом думать... Я договорюсь до отчаяния».

Истерия отчаяния возникает почти в каждой записи. Как, где и к чему приложить себя, чтобы выделиться? «Я заболеваю... Я ничего не могу предпринять для своего будущего». Культивируя отчаяние, он обволакивает себя им, оно в то же время – опора позы и сомнений.

Еще в 1919 году он начал писать роман<sup>50</sup>, надеялся пробиться, стать писателем. «Я пишу кровью сердца свою собственную историю – “Михаэль”<sup>51</sup>. Рассказываю все наши страдания без прикрас, так, как я это вижу... У меня расстроены нервы, я в отчаянии».

«Вперед! Вперед! Я хочу быть героем!» – восклицает Михаэль-Гёббельс. «Я живу надеждой, что мой “Михаэль” получит приз кёльнской газеты. В Италию! О Боже! В Италию!» (15.7.1924).

Но печальный итог: «Я посылаю “Михаэля” от одного издателя к другому. Никто не берет... Это все мировая история, в которой мы живем. Что скажут внуки о нашем времени? Молчи и надейся!»

Роман не оценен, Гёббельс относит это на счет пороков времени, которому еще предстоит отчитаться за это перед потомками.

Спустя годы, став видным нацистом, Гёббельс, переработав рукопись, выпустил «Михаэля» в нацистском же издательстве: «Михаэль. Одна немецкая судьба, страницы дневника. Роман д-ра Йозефа Гёббельса».

Его проза была совершенно антихудожественна, пишет известный современный немецкий писатель Рольф Хоххут<sup>52</sup>, патетична как передовица, неостроумна, скучна. Публицист Хайнц Пол<sup>53</sup> писал в 1931 году в «Вельтбюне» о «Михаэле», что это, в сущности, манифест коричневорубашечников о том, что они называли «немецким духом и немецкой душой». Ни в

---

<sup>49</sup> Здесь вкусы Гёббельса и Гитлера совпадают. Фюрер финансировал знаменитые фестивали Вагнера в Байрейте и с 1936 года сделал их ежегодными.

<sup>50</sup> Роман Гёббельса «Михаэль» запрещен на территории Российской Федерации.

<sup>51</sup> Написанный «кровью сердца» роман Гёббельса «Михаэль» с подзаголовком «Немецкая судьба в дневниковых листах» опирался на дневник и переписку с Анкой. В итоге он был напечатан в 1929 году в центральном издательстве НСДАП в Мюнхене.

<sup>52</sup> Рольф Хоххут (1931–2020) – известный немецкий писатель, драматург. См. его предисловие к изданию последнего дневника Гёббельса (*Goebbels J. Tagebücher. Hoffman und Campe Verlag, 1977*).

<sup>53</sup> Хайнц Пол (1901–1972) – немецкий журналист, в 1933 году бежал из Германии.

языке, ни в стиле, пишет Пол, он не обнаружил ничего немецкого, ни в одной фразе. «Но что я нашел – и каждое третье слово тому подтверждение, – это абсолютно не немецкое, насквозь патологическое бесстыдство, с которым закипает в его [Геббельса] душе и наконец изливается наружу графоманская мерзость».

Тогда Геббельс потерпел сокрушительную неудачу – «Михаэль» был его главной ставкой. Он несостоявшийся писатель, и интересы его все больше смещаются в сторону политики: «Если бы сегодня разразилась революция, я был бы способен выйти с пистолетом на баррикады. Творческие проблемы меня не трогают» (30.7.1924). Однако на другой день он записывает: «Тоска, пустота, утрата мужества, отчаяние, ни веры, ни надежды. Я вчера читал, что Вагнер в течение пяти лет не сочинил ни строчки. Разве здесь нет сходства?» Мания сопоставления себя с великими: с Шиллером, Прометеем, Вагнером. Список пополняется: «Как близок я Шпенглеру».

## «Нужно всегда быть наготове»

**30 июля 1924.** Я вполне разделяю мысли о России и ее отношении к нам. Свет с Востока. В духовной жизни, государственной, деловой, политической. Западные власти коррумпированы... С Востока идет идея новой государственности, индивидуальной связи и ответственной перед государством дисциплины ... Мысль о национальной общности может проистекать только из мысли о социальном равенстве... В России разрешение европейского вопроса.

«Господа дипломаты, читайте Шпенглера и Достоевского», – восклицает он. В эти годы Германия зачитывалась романами Достоевского. Книга О. Шпенглера «Закат Европы» была очень популярна.

**2 августа 1924.** Кто знает зачем? Но нужно всегда быть наготове. В Лондоне вновь торгуют Европой. ...Проклятый эрос. Эльзе, вернись. Киппен приносит мне газеты: еврейский вопрос. Я не могу больше об этом читать, я умираю от злости.

Гегбельс чуток к обострившемуся в Германии, в атмосфере поражения, социального напряжения, антисемитизму. И переимчив<sup>54</sup>.

**7 августа 1924.** Мне снилось: на меня с ножом набросился болгарин. Он задел острием мне голову. Хлынула кровь. Силы покинули меня. Страх. Холод. Я почувствовал приближение смерти. И тут я проснулся. Этого человека звали Болгораков.

**11 августа 1924.** Неистовые мысли об Эльзе. Когда она вернется? Я тоскую по ее белому телу... Постоянные уколы совести из-за беспричинно потерянного времени. Так можно отчаяться в собственном демоне...<sup>55</sup>

**12 августа 1924.** Нужно сломать систему плутократии (= демократии) [знак равенства у Гегбельса].

**13 августа 1924.** Вчера вечером Фриц Пранг<sup>56</sup>. Пришел, слегка обругал евреев, выкурил пару сигарет, предложил несоразмерные, совершенно невыполнимые планы организации, сунул мне в руку пачку газет и удалился... Я недостаточно тверд и упорен. Потому я ни к чему не пришел в жизни... Страх обязательств. Мой идеал – уметь писать и этим жить. Но никто не платит мне хоть сколько-нибудь за мой помет. Мужество, мой мальчик! Ты должен работать для текущего дня. После нас хоть потоп! Это ты должен еще усвоить. Ответственность?! Такое только в романах (из прошлых столетий). Учись брать жизнь, какова она есть. Это наполнит кошелек и набьет брюхо. Идеалами сыт не будешь... Но ты голодный пастор и им останешься.

Так, в декламации о жалких своих итогах, в унынии и безнадежности, с разбитыми надеждами на «Михаэля», без работы, профессии и заработка, он вплотную подошел к порогу,

---

<sup>54</sup> К тому же: «В большинстве публицисты, которыми он восхищался, – это те, которые, во-первых, блестяще пишут, во-вторых, отклоняют его сотрудничество, и, в-третьих, нередко являются евреями», – пишет Хоххут. – *Примеч. авт.*

<sup>55</sup> Гегбельс, выпускник классической гимназии, апеллирует к древнегреческому «демону» – божеству внутри человека.

<sup>56</sup> Фриц Пранг, сын немецкого фабриканта и одноклассник Гегбельса, с которым он вновь сблизился в эти годы, вступил в НСДАП уже в 1922 году.

за которым его ждали разительные перемены в жизни. «Что мне делать?», «С чего начать?». Выбор неожиданно явился сам.

Этот приятель Гегбельса, Фриц Пранг, которого он иронически называет в дневнике «идеолог», склоняет пока еще беспартийного Гегбельса поехать на конгресс националистических партий в Веймар.

**15 августа 1924.** У меня нет никакой охоты ехать вслед за ним. Сейчас я снова переместился по другую сторону. Я полагаю, такой партийный конгресс – это что-то ужасное. Огромные толпы людей, которые все разом рвутся произносить речь. При этом сплошь единомышленники. Ой-ей!.. Хоть бы Эльзе была здесь.

Однако Пранг снабдил его деньгами на поездку, и он отправляется. В Веймаре, городе Гёте и Шиллера, очаге великой немецкой культуры, состоялся смотр националистических сил. «Веймар!.. Хайль! Хайль! Город – шкатулка драгоценностей... Веймар – это Гёте. Место благословенной культуры лучших времен». На террасе Национального театра перед скульптурами Гёте и Шиллера расположились лидеры партийного конгресса. И первый из них – прославленный генерал Людендорф<sup>57</sup>. Его присутствие воспалило Гегбельса.

**19 августа 1924.** О наша благословенная молодежь! Мы вдохновенные, мы фанатики! Гори, святое пламя!.. [И знак свастики появляется на страницах дневника.] Я впервые вижу Людендорфа. Это для меня потрясение... Людендорф – национал-социалист (он сам так представился), фон Грэфе<sup>58</sup> – подлинный народник. Правее правого... Как человек симпатичнее всех Штрассер<sup>59</sup>, как вождь – Людендорф, как явление культуры – Грэфе. Людендорф устранил во мне многие скептические возражения. Он дал мне последнюю крепкую веру... Мы находимся рядом с признанной элитой Германии. Элитой честных и верных! Это так приятно, внушает уверенность и радость. Всеобщее братство. В духе народа. На улицах нас приветствуют тысячекратно. Незнакомцы. И все же знакомые. Бойцы единого фронта. Под знаком свастики... Идут баварцы. С черно-бело-красным. Гвардия Гитлера. Сердце ликует в моей груди. Прекрасные юноши. Будущее. Надежда.

Герои «Трех товарищей» Ремарка, попав на подобное сборище, говорят между собой:  
«– ...Теперь я знаю, чего хотят эти люди. Вовсе им не нужна политика. Им нужно что-то вместо религии.

– Конечно. Они хотят снова поверить. Все равно во что. Потому-то они так фанатичны».

Гегбельсу же, помимо веры, в которой он априорно готов утвердиться от одного только присутствия здесь, в лидерах Людендорфа, нужно – в первую очередь – место под солнцем. И Гегбельс, впервые оказавшись на партийном мероприятии, присматривается к лидерам, уже с ходу отождествляя себя с ними. Вот Штрейхер<sup>60</sup>, один из основателей нацистской партии, издатель грязной антисемитской газеты «Дер Штюрмер». «Ядовитый пошляк», – назовет его на Нюрнбергском процессе обвинитель от США.

---

<sup>57</sup> Эрих Людендорф (1865–1937) в Первую мировую руководил действиями на Восточном фронте. Вместе с Гитлером был во главе путча в Мюнхене. В музее немецкой истории на Унтер-ден-Линден, еще отделенной от Запада стеной, я видела подлинную каску генерала Людендорфа и штандарт с черно-желтым драконом. – *Примеч. авт.*

<sup>58</sup> Карл Альбрехт фон Грэфе (1868–1933) – член правоконсервативной Немецкой национальной народной партии. Участник Пивного путча. Однако в 1926 году публично критиковал Гитлера за раскол «национального движения».

<sup>59</sup> Грегор Штрассер (1892–1934) – один из ближайших соратников Гитлера в создании НСДАП, ее неформальный лидер в период тюремного заключения Гитлера. Убит в «ночь длинных ножей».

<sup>60</sup> Юлиус Штрейхер (1885–1946) – редактор газеты «Дер Штюрмер», гауляйтер Франконии, патологический антисемит и проповедник расизма. Казнен по приговору Международного трибунала в Нюрнберге.

Выступает Штрейхер. «Юлиус Штрейхер. Он тут же заговорил напрямую об антисемитизме. Фанатик с поджатыми губами. Берсеркер<sup>61</sup>. Пожалуй, немного патологичен. Но таким-то он и хорош. Такие нам и нужны, чтобы увлечь массы. Должен же Гитлер что-то с этого иметь...»

Геббельс узнал себя – он свой среди этих людей. И с ходу прикидывает: «Нам нужны». Он почувствовал здесь свою востребованность и не промахнулся. Глазами будущего пропагандиста он оценивает со всем цинизмом, как эффективен для овладения толпой антисемитизм. Антисемитизм станет его главным пропагандистским инструментом<sup>62</sup>.

Так определилось в Веймаре, «что мне делать», «чем заняться», «с чего начать».

«Все громче, националистичнее» на этом сборе. «Мне немного стыдно за шум в Веймаре, когда я думаю о Гёте».

«Страна высоких помышлений! – писал о Германии в эпилоге своей юношеской поэмы Гоголь. – Воздушных призраков страна! О, как тобой душа полна! Тебя обняв, как некий Гений, великий Гёте бережет»<sup>63</sup>.

Но в ряду новых помышлений Геббельса не посетит стыд перед памятью величайшего немца, когда уже в ранге нацистского министра пропаганды, просвещения, культуры он вместе с элитой «честных и верных», близостью к которым так упоен на этом смотре националистических сил, позаботится об учреждении как раз рядом с Веймаром, в лесу, где тропы излюбленных прогулок Гёте, концлагеря Бухенвальд («Буковый лес»). Гарь и пепел печей Бухенвальда оседали на старой ратуше Веймара, на доме художника Лукаса Кранаха, на черепичной кровле, под которой жил, творил и умирал Шиллер, на *casa santa* – «священном доме» Гёте в городе «благословенной культуры лучших времен».

---

<sup>61</sup> Берсеркер (или берсерк) – в эпоху норманнов-викингов иступленный воин, беспощадно истребляющий врагов. В дневнике Геббельса это определение чередуется со столь же позитивным «фанатик».

<sup>62</sup> В это же время, находясь в тюрьме, Гитлер описывает в «Майн кампф», как он избрал антисемитизм своим политическим оружием. (Политическая автобиография Адольфа Гитлера «Майн кампф» («Моя борьба») запрещена на территории Российской Федерации.)

<sup>63</sup> Цитата из юношеской поэмы Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен». *Гоголь Н.В. Собр. соч.*: В 6 т. М., 1952. Т. 1. Приложения. С. 225.



## «С чего начать?»

В «Майн кампф» Гитлер пишет о массовом экстазе толпы, захватывающем новичков. Он настаивает: массовые собрания необходимы. Человек начинает чувствовать себя членом, бойцом всеохватывающей корпорации. На массовом собрании пришедший впервые человек будет захвачен воздействием мощного гула и воодушевления тысяч других слушателей. Это Гитлер именует самовнушением и колдовским влиянием: человек, пришедший на такое собрание, сомневаясь и колеблясь, покинет его, укрепившись в своей вере и принадлежности к сообществу. Именно такое происходит с Геббельсом. Подвергшийся этому эксперименту, он оказался идеальным подопытным. Одиночка, по рассуждению Гитлера, легко поддается страху, а при виде большого сообщества ободряется и воспаляется. Геббельс отправился в Веймар разбитым, мятущимся, без всякой опоры в жизни и с предубеждением к подобным сборам. А возвращается из Веймара окрыленным. «Сердце полно незабываемых впечатлений. Я снова обрел мужество» (19.8.1924).

**21 августа 1924.** Моя деточка [Эльзе] пишет из Швейцарии... Во вторник мы увидимся в Кёльне. Я очень радуюсь этому. Авось удастся достать денег, чтобы мы могли остаться до среды. Что за беспутная ночь будет! Мои заметки готовы. «Либерализм и государственный социализм»... «Народный дух в борьбе с интернациональным»... Отец обеспокоен, что он потеряет свое место. В настоящее время это худшее, что могло бы с нами случиться. Куда я должен тогда деваться? Но, быть может, это было бы хорошо для меня. Я буду тогда вынужден встать на собственные ноги. Тут мне грозит опасность омещаниться.

В это время Гитлер в тюрьме, в Ландсберге, писал в «Майн кампф», как, оставшись без родителей, он направился в Вену, надеясь оседлать судьбу: он тоже хотел стать «чем-то», но ни в коем случае не поступить на службу. Так и Геббельс, еще не читавший этих строк, тоже не желает стать служащим и, значит, быть как все, «омещаниться».

И на двадцать восьмом году жизни, терпя некоторые моральные потери, он предпочтет сидеть на шее отца, и без того надрывно обремененного.

«Я в поисках денег, – продолжает он запись. – Сколько треволений причинили мне в жизни проклятые деньги... Антисемитизм многих людей – только негативный семитизм. Они бьются с еврейством, как коммунисты с капиталом, чтобы самим стать евреями или, соответственно, капиталистами».

**22 августа 1924.** В Вюрцбурге выступал яростный и фанатичный Юлиус Ш. [Штрейхер]. За четыре часа он так взвинтил своей страстностью толпу, что она спонтанно запела германский гимн<sup>64</sup>. После второй строфы на сцену явился старый профессор в длинном черном фраке и, подняв руки, попросил тишины. Затем этот старый, седой как лунь человек забрался на стул и своим масляным голосом пропел последнюю строфу... Самый трагикомический момент был, когда старикан посреди пения свалился со стула... Вот так вынуждены мы, апостолы новой идеи, пробуждать народ...

«Фриц Пранг говорит, что я прирожденный оратор», – этой похвалой после первого же выступления решилось для Геббельса, с чего начать.

---

<sup>64</sup> Первый куплет гимна Веймарской республики «Песнь немцев» на музыку Й. Гайдна со словами «Германия превыше всего» исполнялся и при нацизме, а после 1945 года был запрещен. В качестве официального гимна ФРГ сейчас исполняется только третий куплет.

Выступать перед аудиторией, завладеть ее вниманием – как это много значило для недавнего скромного служащего Дрезднербанка в Кёльне.

## **Какая дорога ведет к Богу?**

Не прошло и месяца, как Геббельс восклицал: «Мы должны искать Бога, для того мы являемся на свет». Но это до Веймара. Теперь, когда он предпринимает первые практические шаги, участвует в организации полулегальной местной нацистской группы на оккупированной территории, он снова припадает к вере. Но уже по-иному.

«Мы должны быть берсеркерами нашей страсти и нашей веры, – провозглашает он в дневнике. – Только тогда мы можем победить. – И корит возможного оппонента, сомневающегося в этой вере, а точнее, самого себя: – Ты не веришь в свое дело? Стыдись быть человеком. Та дорога ведет к Богу, в которую мы верим, что она ведет к Богу... Потребность XX века – социальный вопрос. Он может быть разрешен лишь духом, а не рассудком» (21.8.1924).

Этой блудливой риторикой будет наполняться дневник. Разум отменяется. Чтобы победить, нужно быть безоглядным, жестким в вере. А вера – это то, с чем ты повязан. Нет нужды спрашивать у Бога ни веры, ни пути. Дорога к Богу – не поиск всей жизни, а прагматический выбор. Та дорога, на которую стал, ту и полагай ведущей к Богу. Как все становится элементарно, достижимо. Первые практические шаги Геббельса – и первое же отступничество от Бога. Религией становится политика.

## «Деньги и эрос – движущая сила мира»

**23 августа 1924.** До вторника, когда Ты приедешь, еще три дня. Мои часы – это лишь ожидания Тебя. Все во мне жаждет твоей сладостной благосклонности. Ты славная, любимая женщина!..<sup>65</sup> Политика – сплошное отчаяние. Либерализм, кажется, снова побеждает... С отцом у меня ожесточенная борьба. Он предпочел бы, чтобы наступило спокойствие и порядок, безразлично какой ценой. А мы, юноши, думаем больше о будущем. Мы не желаем, чтоб увековечивалось состояние трусливого рабства. Оставьте себе ваш кладбищенский покой. Мы хотим истинной свободы. Я изворачиваюсь насчет денег ко вторнику. По одной марке собираю я денег на дорогу [для встречи с Эльзе]. Надеюсь, соберутся нужные 20 м. Эта душевная тоска ожидания огромных счастливых часов. Всеми мыслями владеет одно чувство: вновь увидеть, обрести. Каждый удар пульса – о Тебе. Часы ползут как недели. Вечером, когда я ложусь в постель, я высчитываю, сколько ночей я еще буду в одиночестве. Днем я считаю часы, которые еще разлучают меня с Тобой... Маленький, любимый мышонок! [Завершается эта любовная декламация перепадом в другую тональность.] Я так мало приучил ее к хорошему, что любая радость возносит ее до небес. Я люблю женщин больше на расстоянии, чем когда они возле меня. Идеал и действительность!

**29 августа 1924.** День с Эльзе в Кёльне... В послеобеденное время – наедине с ней в номере отеля... Ликующий крик. Пробуждается зверь. Пыл любви и страсти... Я люблю ее из всей глубины моего сердца. Эрос пробуждает во мне бога и дьявола. Деньги и эрос – движущая сила мира... Любимая, милая девочка... Ты маленький, жизнерадостный черт... Политика на лезвии ножа. Сегодня рейхстаг решает, принять или отвергнуть лондонскую сделку об учреждении американской рабской колонии в Германии. [Речь, как видно, о ратификации в Германии плана Дауэса, предполагавшего предоставление Германии иностранных займов.]

**30 августа 1924.** Мы еще не созрели для власти. Мы должны иметь терпение и ждать... Пусть немецкая нужда усиливается, чтобы она действовала целительнее и ускореннее... Чем глубже Германия погрязнет сегодня в позоре, тем выше надо ставить себе цели.

---

<sup>65</sup> Речь опять идет о подруге Гегбельса Эльзе.

## «Я хочу быть молотом!»

**31 Августа 1924.** От мышки<sup>66</sup> заказное письмо. Я тебя люблю и возвращаю 15 франков. Ты милое дитя. Ты же самое любимое, что у меня есть. План газеты<sup>67</sup> готов.

**1 сентября 1924.** «Мы ничто. Германия все!» – так кончается моя заметка.

Человек для государства, а не государство для человека. Избитая формула. «Deutschland über alles» – «Германия превыше всего».

**5 сентября 1924.** Какое количество ненависти и злобы каждый день в этих тюках газет. Можно растеряться. Одна злобствует против другой. Куда это ведет, всюду зависть... Яд повсюду. И я содействую этому!

Если не из лицемерия он возмущается, то из минутной близорукости, но вскоре уяснится: злоба и ненависть – решающий союзник национал-социалистов, готовящих переворот. Геббельс станет разжигать эти темные страсти, провоцировать, насаждать и поддерживать беспорядки, уличные схватки, насилие, вплоть до политических убийств. Фашистам нужна сдвигнутость, когда затемнено понятие о добре и зле, стерта грань между ними и беспрепятственнее входят в человека темные страсти. Массам людей, впавшим в ненависть, злобу, растерянность и страх перед жизнью, легче стать добычей фашизма, оказаться столкнутыми в бездну расового безумия.

Гитлер позже закрепит это в речи, приведенной Геббельсом в дневнике: «Бог дал нам огромную милость в нашей борьбе. И лучший его дар – ненависть наших врагов, которых мы так же ненавидим от всего сердца». «Прирожденный разжигатель», – восхитится им тут же Геббельс. О бедный несостоявшийся пастырь! Превозносит устами Гитлера ненависть как дар Господний.

**5 сентября 1924.** Я хочу быть молотом!.. Я снова должен искать оплачиваемое место. Так дальше не пойдет. Я едва могу глядеть в глаза отцу. Нахлебник. Жалкая роль, которую я играю!!!

Германия все еще под игом проигранной войны, стеснения диктатом победителей. В Рейнской области, где родной город Геббельса, – демилитаризованная зона; в Рурскую область вошли оккупационные французские войска, и жжет постоянно от этой униженности. Выход этому болезненному комплексу Геббельс дает отчасти в возрастающем в нем антисемитизме. Найден универсальный виновник всему, что происходит с Германией, в том числе и прозябанию Геббельса. На этой стадии для Геббельса слово «еврей» – синоним капиталиста, либерала, демократа, интернационалиста; евреи для него также сами страны-победительницы, которых представляют то Лондон, то Париж.

«Заварилась мало-помалу каша на почве антисемитизма, от которой пахнет бойней, – писал Чехов 6 февраля 1898 года Суворину в связи с делом Дрейфуса<sup>68</sup>. – Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: “Это француз гадит, это жида, это Вильгельм...” Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты – это призраки, но зато как они

---

<sup>66</sup> Т. е. от Эльзе.

<sup>67</sup> «Фёлькише Фрайхайт» («Народная свобода») – газета регионального отделения Всегерманского национал-социалистического освободительного движения в Эльберфельде, главным редактором которой стал Геббельс.

<sup>68</sup> Дело Дрейфуса (1894) – резонансный судебный процесс над Альфредом Дрейфусом (1859–1935), евреем, офицером французской армии, который на волне антисемитских настроений был обвинен в измене и шпионаже в пользу Германии.

облегчают наше беспокойство! Они, конечно, дурной знак. Раз французы заговорили о жидах, о синдикате, то это значит... что в них завелся червь, что они нуждаются в этих призраках, чтобы успокоить свою взбаламученную совесть... Первыми должны были поднять тревогу лучшие люди, идущие впереди нации, – так и случилось...»

Так оно было на грани веков.

## «Вживание – это все»

Эйфория прошла. Надежды самомнения то рушатся, то снова захватывают. Предстоящее двухлетие историк Эльке Фрёлих называет «инкубационным периодом» становления Геббельса-нациста.

**8 сентября 1924.** Политика делает меня бесплодным. У меня больше нет позитивных мыслей. Все вызывает во мне отвращение. Если б я только мог выбраться из этого кавардака...<sup>69</sup> В меня вполз враг. Враг моей веры. Если я теперь еще и веру потеряю, придется отчаяться.

Это не мешает ему спустя неделю сказать обратное: «Политика радует меня». Написанная им статья «доставила удовольствие». «Мы откроем в себе новую духовность», «Сердце живет», «Огонь распространяется».

**20 сентября 1924.** Вживание – это все. Надо вжиться в идею.

**22 сентября 1924.** На верном ли я пути? Я иногда сомневаюсь. Найду ли я крепкую, непоколебимую веру!!!

Казалось бы, с его органикой и его пластичностью ему не составит особого труда «вжиться», но пока еще не удалось. Он еще рефлектирующий, мечущийся человек. К тому же он по-прежнему нищ.

«Отец строг: на предприятии кризис. А я живу за его счет. Ужасное чувство! Куда я должен деваться? Скепсис и крайнее отчаяние. И вот снова приходит газета. Итак, снова монотонная работа. Растопчет твой дух...» Но зато: «Говорят, я блестяще выступал». Хвала самому себе будет постоянно присутствовать в записях.

**27 сентября 1924.** Я сам сотворю свою славу... Моя слава как оратора и политико-культурного писателя распространяется в рядах приверженцев национал-социалистической мысли по всей Рейнской области... Хайль!

Эльзе печатает его прозу на машинке, но «это ее не радует. Я должен объяснить ей. Для наших современников хороший немецкий стиль прозы не имеет смысла. Мы привычны к экспрессионистской напыщенности. У нас дверь должна быть тотчас взломана. Великое всегда просто, ему не нужно бить на эффект».

---

<sup>69</sup> Здесь у Геббельса слово «Тохувабоху» – библейское выражение из древнего языка ненавистных ему евреев.

## «Я сам сотворю свою славу»

Геббельс участвует в руководстве местной нацистской группы в Эльберфельде.

**1 октября 1924.** Немецкий национал и вместе с тем антисемит. А они не хотят признать это новым социализмом. [Это он о членах Немецкой национальной народной партии<sup>70</sup>, с которыми состоит тут в расприх.] Но молодежь научит вас приличию! Берегитесь! Поверх ваших седых, почтенных голов мы построим новое государство... Мы мало-помалу продвигаемся. Но нам основательно приходится бороться против врага в нашем собственном лагере. Боже, до чего же ужасающе мелко большинство людей.

**3 октября 1924.** Теперь я ответственный редактор «Народной свободы»...<sup>71</sup> Я победил по всем линиям, газета целиком под моим влиянием, могу делать что хочу. Пока мне этого достаточно. Трамплин. Наверх... О, эта работа дает удовлетворение и радость. Со вчерашнего дня я стал совсем другим. И дома тоже смотрят на меня совсем другими глазами. Здесь действует только зримый успех. Это первая ступень – вперед и выше. У меня есть рупор... Я пробьюсь еще выше. В этом я даю здесь обет совершенно серьезно. Вперед! К звездам! К немецкой свободе! Господь, пребудь с нами!!!

Это вырвавшееся признание – ключ к пониманию его натуры и его честолюбивых помыслов. Доминанта – карьера. На этот раз это высказано без обиняков. Обычно «карьера» является под псевдонимом «миссии» или «веры». И поскольку с такой верой долго не ладится – до ощутимых успехов нацистов, – то теперь все чаще еще один псевдоним: «немецкий пролетарий»: «Народ, трудящиеся – это лучшее, что у нас есть» (23.9.1924). Но уже через день: «90 % людей каналы. 10 % сносы. Эти десять процентов должны править 90 %, чтобы стояло государство. Тайна диктатуры». И это устойчиво у Геббельса: «90 % немецкого пролетариата дерьмо. Зачем я борюсь? Из сострадания? Нет, потому что я должен повиноваться своему демону!» (4.4.1925). Его демон – честолюбие. Все прочие обеты и заверения, что были и будут, – пустая декламация. Но не этот обет: продвигаться вверх по ступеням карьеры. Ему он будет верен буквально до последнего часа в подземелье имперской канцелярии, когда демон ненасытного честолюбия уже примется пожирать детей Геббельса, обреченных отцом на гибель. А следом и его самого.

Но до этого часа еще многое случится.

Я имела возможность убедиться в трагические для Германии дни неминуемого поражения, что комиссару обороны Берлина Геббельсу вместе с Гитлером не было никакого дела до народа и его непереносимых страданий. Это подтвердилось в последних записях его дневника в апреле 1945-го. Название «Национал-социалистическая немецкая рабочая [!] партия», как и банальная политическая демагогия о защите интересов трудящихся, было для нацистов и лично для Геббельса лишь средством для осуществления честолюбивых помыслов – захвата власти.

**4 октября 1924.** Сегодня впервые моя собственная газета пришла в дом. Какую радость она мне доставила! Наконец-то я устроен.

---

<sup>70</sup> Немецкая национальная народная партия – самая правая и консервативная из партий Веймарской коалиции, ярая сторонница германских националистических идей.

<sup>71</sup> «Фёлькише Фрайхайт».



И в эти окрылившие его дни он снова припомнил то, от чего успел уже отступить: «Мы должны искать Бога. Для этого мы приходим в мир!» (7.10.1924). Но это медь звенящая...<sup>72</sup> Он нашел для себя суррогат Бога в Гитлере.

**6 октября 1924.** Видны успехи. Это радует. Я продолжаю сражаться. До победы или смерти. Эльзе – мой лучший товарищ.

На этом записи в дневнике обрываются и восстанавливаются с середины марта 1925 года. За это время состоялось знакомство с досрочно выпущенным из тюрьмы Гитлером<sup>73</sup>. Но оно осталось за пределами дневника.

«По указанию мюнхенских властей я охранял Гитлера в тюрьме в Ландсберге, как цветок в оранжерее [читаю в рукописи бывшего полицейского Раттенхубера]. Баварское правительство было заинтересовано сохранить Гитлера для подавления революционного движения. Я получил приказ не раздражать арестованного полицейскими мерами охраны и предоставить ему свободно гулять по крепостному саду. Его единомышленники беспрепятственно допускались к нему, и комната Гитлера напоминала салон политического деятеля. В его распоряжение отдана пишущая машинка, на которой он с помощью Гесса<sup>74</sup> написал книгу “Майн кампф”. По окончании ее Гитлера выпустили на свободу, причем начальник крепости дал ему очень похвальную аттестацию».

---

<sup>72</sup> Демагогия, пустая болтовня.

<sup>73</sup> Гитлер был выпущен из тюрьмы в Ландсберге 20 декабря 1924 года.

<sup>74</sup> Рудольф Гесс (1894–1987) – заместитель Гитлера по партии, личный секретарь фюрера, отбывавший вместе с ним заключение. Приговорен Нюрнбергским трибуналом к пожизненному заключению. В возрасте 93-х лет покончил с собой в камере.

## «У меня хотят отнять веру»

**18 марта 1925.** Работать, писать. Телефонировать и телеграфировать. И при этом денег – лишь на самую скудную жизнь. Есть от чего впасть в отчаяние... Завтра мои именины. Я поеду домой... Безысходность, отчаяние повсеместно во всех сердцах. Выше голову. Работать! Я свирепствую как бык... Завтра в Рейдте с Эльзляйн<sup>75</sup>. Ура! Как я радуюсь! Я пишу ежедневно дюжину писем. Жуть! Из меня можно сделать фонограф! Что вы хотите от меня, вы, мелкие душонки? Ведь я человек!

**20 марта 1925.** Счастливые часы с Эльзе. Она подарила мне «Братьев Карамазовых» в чудесном красном холщовом переплете. И белую сирень, благоухающую в моей комнате.

**23 марта 1925.** Гитлер уже в полном порядке...<sup>76</sup> Гитлер написал призыв к выборам Людендорфа<sup>77</sup>. Блистательно. Это человек с размахом... Что гонит меня наверх? Честолюбие, гордость, вера, идеализм? Я не знаю. Человек так мало знает себя. Крупная промышленность – грех. Мы избавим от нее человека... Я устал. Я хочу спать. Спокойной ночи, мой любимый дневник, мой заботливый исповедник. Тебе я говорю все. Все! Здесь я человек, здесь я могу им быть. Спокойной ночи!

Но записи в «мой любимый дневник» – не исповедь, скорее это сброс негодования, раздражения, досады на запретителей, а чаще и яростнее – на оппонентов и всех тех, кто не ценит его и обрекает на нужду. Нередко это площадка для патетических заклинаний, жестикуляций.

Одномерность, агрессивность нацизма обгадывает Геббельса. Он теряет то, что имел, – тягу к чтению, не по-школярски беспорядочному, импульсивному. Брожение подхваченных, заимствованных, но теребящих мыслей. Только с Эльзе его по-прежнему связывает живое чувство.

**26 марта 1925.** Преследования и аресты со стороны французов<sup>78</sup>. Гитлера заставляют замолкнуть. Нам затыкают рты до потери сознания. Это доказательство нашей правоты... [вторит он Гитлеру]. Сегодня идти в Дуйсбург через французскую [т. е. Рурскую] область. Врагу в глотку. Вигерсхауз<sup>79</sup> [националист] называет меня подстрекателем. Благодарю за комплимент. Поскольку вы не поняли идею наступающей революции!.. У меня нет денег. Начинается голод. Я не знаю, чем я 1 апреля расплачусь за жилье. Это горе. Нас содержат как собак, как шелудивых собак... «Этот человек для нас опасен, – сказал обо мне Рипке<sup>80</sup> [гауляйтер], как Мирабо о Робеспьере, –

---

<sup>75</sup> Эльзляйн – уменьшительное от Эльзе.

<sup>76</sup> Выйдя из тюрьмы, Гитлер явился в баварский ландтаг, размахивая плетью из кожи бегемота, и обрушился на депутатов с обвинениями в слабости руководства и отсутствии идеи.

<sup>77</sup> После внезапной смерти первого рейхспрезидента Веймарской республики Фридриха Эберта 28 февраля 1925 года в Германии должны были состояться выборы.

<sup>78</sup> Последний французский солдат покинул немецкую территорию только в 1930 году, конфликты с местным населением были регулярными.

<sup>79</sup> Фридрих Вигерсхауз (1877–1934) – немецкий политик, один из руководящих членов Всегерманского национал-социалистического освободительного движения. Именно он пригласил Геббельса на пост главного редактора газеты «Фёлькише Фрайхайт».

<sup>80</sup> Аксель Рипке (1880–1937) – журналист, политик, гауляйтер гау Рейнланд-Норд в НСДАП с центром в Эльберфельде.

он верит в то, что он говорит». Эти жалкие умельцы жить! Я не хочу овладевать искусством жить. Я довольствуюсь жизнью в мучениях! Это ужаснейшая мука! Но надо терпеть и быть пламенем... Деньги – дерьмо! Я хочу – жизнь! Всю жизнь!

**28 марта 1925.** Нам не хватает духа Гитлера. Вы связали человека, но не мысль!

Досрочно выйдя из тюрьмы, Гитлер пообещал баварскому правительству полную лояльность. Но тотчас выступил в ставшей знаменитой пивной «Бюргербройкеллер», где в 1923-м разыгрался Пивной путч.

Я побывала недавно в другой пивной, «Хофбройхаус», тоже связанной с именем Гитлера и поднявшейся из руин после войны со всем уничтоженным бомбами Мюнхеном. В гигантском зале, вмещавшем тысячи посетителей, современные немцы, сидя на скамьях за простыми длинными столами, пили пиво, заедая присоленными кренделями, раскачивались в едином ритме, слаженно подхватывая песню, оглашая всю непомерную утробу зала могучим мужским хором. Было даже слегка жутковато.

А тогда, впервые по выходе из тюрьмы выступив в «Бюргербройкеллер» вновь, Гитлер нарушил слово, призвав к борьбе не на жизнь, а на смерть, пообещав, что или враги пройдут по трупам его однопартийцев, либо они пройдут по телам врагов. Последовало запрещение Гитлеру выступать<sup>81</sup>. По этой причине и негодует Гегбельс.

**30 марта 1925.** Я хочу борьбы, потому что я не в состоянии больше выдерживать... Нет денег. Вылетает в трубу воодушевление...

Снова предстоит ему ехать домой попрошайничать. «Никто не питается воздухом и росой. И словом господним тоже... Я не могу так больше! Меня разобьет отчаяние. У меня хотят отнять веру!» Нет денег, и он не может откликнуться на готовность Эльзе приехать к нему на два дня в Эльберфельд. «У меня сердце обливается кровью, но это не получится».

**2 апреля 1925.** Теперь я сижу и жду чуда. И если оно не произойдет, я буду искать работу. Что-нибудь да попадется. Тогда я и решу, как приспособиться к жизни, и сделаю последний вывод, который означает: работа ради хлеба.

Но угроза подумать о работе-заработке не осуществится. Снова привычное: обращение за деньгами к отцу. И 150 марок, переведенных ему телеграфом, и проклятия попрошайничеству, и «Я этого больше не выдержу!», и опять все сначала.

**4 апреля 1925.** В политике... Мы в отчаянии. Немецкий народ систематически готовят для гибели. А пролетариат? Борющийся пролетариат? Где борется он за свои права? Он терпит все, все и рад-радешенек. Когда б только голод миновал.

**7 апреля 1925.** Вечером в пивной «Лёвенброй» серьезный спор с Рипке по нашей нац. – соц. программе. Мы должны отдать рабочим в собственность производство, но максимум 49 %, говорит Рипке. Я называю это реформированным капитализмом, но я ненавижу капитализм в любой форме, как чуму. Стоит ли ради доли в 49 % совершать революцию и сотрясать Европу?... Я радуюсь Пасхе. Имей я деньги, я бы с Эльзляйн вылетел бы в далекий мир. О бедное, скудное, ограниченное, плебейское существование!

---

<sup>81</sup> Этот запрет действовал до мая 1927 года.

**9 апреля 1925.** Моя вера готова меня оставить! Завтра Страстная пятница! Я воскликну вместе с умирающим Спасителем: «Боже, Боже, зачем ты меня оставил?..» Я тоскую по приятной Эльзенькиной болтовне.

**18 апреля 1925.** Есть только два типа людей. Имеющие внутреннего демона и не имеющие его.

**20 апреля 1925.** Почему вообще светит солнце в нашем бедном, несчастном мире? Почему мы не отчаиваемся? Что дает нам мужество продолжать жить? Что за Бог или дьявол терзает нас до крови? Почему мы, люди, едва начав думать, становимся так безгранично одиноки? Почему мы не соединяемся в наших страданиях и не несем их сообща? О ты, великая, ужасная загадка мира! О ты, море боли в этом мире! Отчаяние и гибель! А на улице золотое сияние солнца! Как понять мне это?!

Это характерный образчик риторики Геббельса. Пусто, безответственно, пошло и лживо. Стеная о разобщенности мира, он уже денно и ночью работает на отторжение немецкого народа от всего общечеловеческого. Потому в его публичных выступлениях идут в дело германофобия, злокозненные замыслы «малого народа», масонов, коммунистов и социал-демократов. Немецкий народ должен почувствовать себя в осаде и призвать спасителей, а они-то уже на подхвате.

За пределами этой «концепции» у Геббельса нет своих устойчивых взглядов, все зыбко, его мотает от одних утверждений к противоположным, и он истерически жаждет вождя-идеолога. А пока что со своим скудным, но доходчивым и достаточным пропагандистским багажом он, хромающий, с неопишуемой энергией носится по городам и весям края. Его рьяность, захватничество в местной организации вызывают опасения даже у его сотоварищей: «подстрекатель», «опасный человек», «Рипке ненавидит меня как чуму»<sup>82</sup>. От него хотят избавиться. Но он цепок. Однако при всей рьяности Геббельса социальное положение его остается без изменений, по-прежнему он люмпен. И свое негодование он обращает против немецкого народа: «Немецкий народ едва ли может рассчитывать на спасение. Он марает грязью подавленных ему судьбой вождей или обрекает их голодать... Для кого я приношу жертвы? Для этого человечества? Для этих мелких, ничтожных, трусливых душ? Я должен слушаться лишь внутренней необходимости» (22.4.1925). «Отвратительный народ немцы. Празднуют свое рабство» (22.5.1925).

---

<sup>82</sup> Признавший когда-то Рипке своим наставником, Геббельс летом 1925 года раскритиковал его в статье «Ископаемая интеллигенция», а затем предъявил обвинение в растрате партийных средств и таким образом сверг Рипке.

## **«Я – несомненно пламень!»**

**27 апреля 1925.** Я произношу блестящую речь. Эльзе сидит в первом ряду. Все совершенно вдохновляюще... Несколько сладостных мгновений. Она очень любит меня. О, какая радость!

Город празднует избрание Гинденбурга президентом<sup>83</sup>. «Бесконечное ликование масс... Слава Гинденбургу!» Здесь, в Эльберфельде, где Геббельс начинал свою карьеру в партии, он вскоре обретает врага в лице Рипке – гауляйтера Рейнланд-Норда. «Я начинаю ненавидеть Акселя Рипке. Кажется, он тоже меня ненавидит. Здесь столкнулись два человека и два мировоззрения: буржуазная реформа и социалистическая революция». «Рипке – негодяй», «Рипке или я должен пасть». Он находит в гау тех, кому Рипке неугоден, и избирает тактику: «Выждать!» Выждать, когда можно будет скинуть Рипке.

Это чрезвычайно характерное для Геббельса поведение – интригана, завистника. Он также шлет в дневнике проклятия и окружению Гитлера в Мюнхене, мешающему Геббельсу пробиться поближе к «шефу». В сколько-нибудь заметном нацисте он видит соперника или возможного оппонента и сколачивает блок против него. При этом обычны для него незамедлительные переходы от восторженного отношения к человеку до отталкивания, клубящейся злобы, ультиматумов. Недруги и союзники варьируются, меняются местами. Однако без врагов он так или иначе не остается.

«Он снова вызывает во мне энергию брожения. Пробуждается старый демон. Благодарю тебя, господи, что ты снова пробудил меня из мертвых». Это сказано в связи с Рипке, но Геббельс постоянно алчет импульсирующего его врага. Без врага он мертв.

Эти проявления во внутрипартийной борьбе будут нарастать в нем и все активнее сказываться в больших масштабах, когда он окажется уже на других, более высоких этажах партийной, а потом и государственной власти. Но и вся среда, в которой действует Геббельс, и каждый в отдельности, как и сам он, стоят друг друга.

---

<sup>83</sup> Во втором туре президентских выборов победил кандидат правых генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург (1847–1934). 30 января 1933 года он назначит Гитлера рейхсканцлером.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.